

58-45

Кецердудангай

ПЕДЕР
ХУЗАНГАЙ

ИЗБРАННОЕ

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

СТИХИ
ПОЭМЫ
СКАЗКИ

ПЕРЕВОД С ЧУВАШСКОГО

II

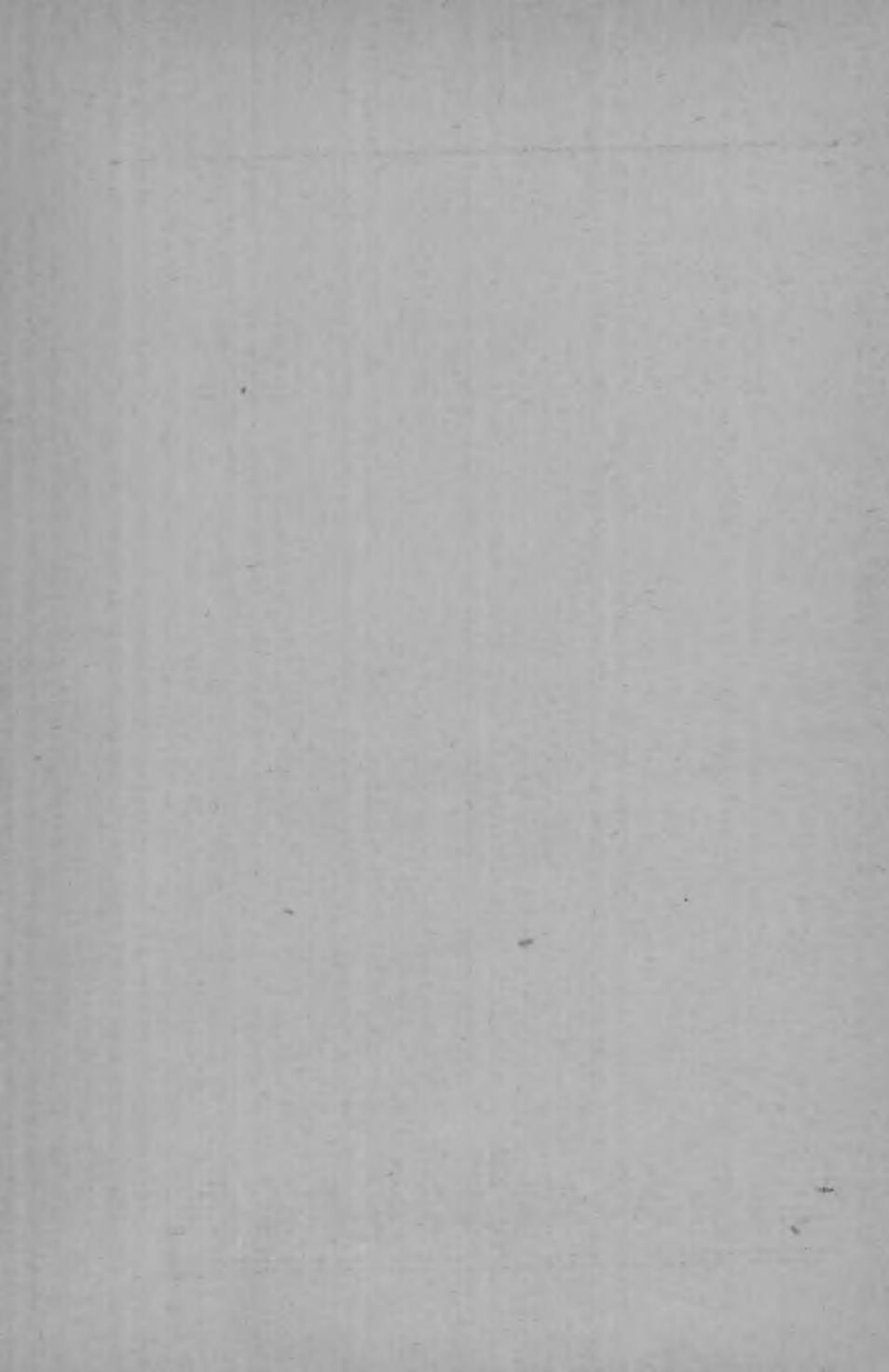
*Чувашское Государственное
Издательство
1958*

ПОЭМЫ

ПЕРВАЯ ОСЕНЬ

Был мальчонкой, знал я мало,
Только начал боронить.
Говорят, царя не стало,
Стал народ войну бранить.

И солдаты в дни невзгоды
Возвращались иногда;
Говорили, что свобода
Вышла в путь, идет сюда.

Земляки, бывало, спросят
Тех служивых про царя.
А в ответ:— Давно бы сбросить,
Жил царек на свете зря!—

Только в сельской школе долго
Он висел над головой;
Раздражал нас царь Николка
С бороденкой моховой.

Как-то раньше всех, с рассветом,
В класс войдя вдесятером,
Встали мы перед портретом,
Перед свергнутым царем.

Наш отряд стрелял неплохо.
Кто картошкой, кто горохом
Зарядил тогда свое
Камышовое ружье.

Все мы выпалили сразу:
Стал портрет как решето;

Кривогубый, белоглазый,—
Не узнаешь ни за что!

Поп рассержен был, оставил
Без обеда кой-кого.
Класс притихший бога славил,
Но не выдал никого...

Шла пора весенней вспашки.
— Где земля?—«У торгашей!»
Жаркий спор дошел до наших
Чутких маленьких ушей.

— Долго ль ждать, глядеть нам робко?
Получил от русских встрепку
Сам помещик... Нам пора
Потрясти и хутора!—

Вышли в поле, шли по стежкам
Слухи, толки про судьбу;
На селе, стучась в окошко,
Заходили к нам в избу.

*

Помню,— гору сухостоя
Раз в ночном мы подожгли;
Пламя яркое, густое
За беседой берегли.

Свет костра, туман весенний,
Разговор, ночная тишь...
Не уснешь под воскресенье,—
И на зорьке всласть поспишь!

Ест глаза дымище горький.
Мы печем картошку здесь.
Сказки здесь и поговорки,
Здесь и правда, вся как есть.

Угли таяли в золе.
Спор о жизни, о земле
Языки нам развязал.
Тут один старик сказал:

— Смутно, словно в черном поле...
В табуне без пастуха
Будет ли порядок? Ой ли!..—
Стала ночь совсем тиха.

— Будет!— коротко ответил
Сендер, питерский матрос,
Тот, который вести эти
Землякам весной привез.

— Кто ж везде расставит вешки?—
Продолжал старик в сомненье.
Прикурив от головешки,
Сендер тихо молвил:— Ленин.

*

Прозвучало слово эхом —
«Ленин!», в душу нам вошло.
Сендер в Питер вновь уехал,
Вновь чего-то ждет село.

Хлеб убрали. В поле голом
На ветру шуршит жнивье.
Время птицам невеселым
Покидать жильё свое.

Стынет небо над равниной.
Видим, стоя на траве,
Треугольник журавлиный
В потускневшей синеве.

... Смолкли птицы. Стынут росы.
Осень поздняя темна.
Слово Сендера-матроса
Светит в памяти, со дна.

Ленин... Кто он? Мы не знаем.
На печи, среди горшков,
Смирно мы сидим, внимая
Разговорам стариков.

«Заступаться надо всюду
За трудящийся народ,

Подсобить простому люду
Уберечься от невзгод!»

Кто он, Ленин? Спор неясен.
— Может, он как Стенька Разин?—
— Может быть, заступник новый
Всем похож на Пугачева?—
— Он хотел и к нам дойти,
Да задержан на пути...—

День и ночь шумит селенье:
— Говорят, приехал Ленин!—
— Говорят, он из Симбирска!—
— Ну, до нас оттуда близко!—
— Не чуваш ли он?— Наверяд!—
— «Русский» люди говорят.—

Мы на печке закопченной
Рады слушать стариков:
— Говорят, что он ученый,
Знает много языков.—
— Ну, тогда и нас поймет!
Ждет защиты весь народ.

*

Нет уж царского портрета,
Затерялась рама где-то.
Только поп все ходит в класс,
Так же в церковь тащит нас,
Поминает царский род,
Милость господ зовет.

В перемену, в коридоре,
Где стояла пыль столбом,
Я услышал, как поспорил
Наш учитель с тем попом.

— Школа... церковь... труд... свобода...—
Говорил учитель наш.
Отвечал глава прихода:
— Не мелите! Это — блажь!
Дом помазанников божьих
Правил триста лет подряд.

Что Керенский бриторожий?
Узурпатор, власти рад!—

Узурпатор? Что за «патор»?
Что за слово? Не пойдем...
А учитель глуховато
Продолжает о своем:

— Вы, отец Маркел, учтите,
Что Россия — не раба!
Изменился ход событий,
Обновляется судьба!—

Тут звонок неожиданно строго
В медь ударил язычком.
На урок иль в путь-дорогу
Звал он ясным голоском?..

*

На закате рушить просо
Мы поехали с отцом...
Тарахтят, спешат колеса,
Говорят о том, о сем.
За верстой бежит верста,—
Все знакомые места.

Вон татарская деревня
Под горой легла, темна.
Вон белеет камень древний,
А на камне — письмена.
Только буквы вековые
Не по-нашему кривые.

К письменам припал татарин.
Снял отец мой шапку:— Тпру!
Подержи-ка вожжи, парень!
Кто тут? Я не разберу...
Ты ли это, Нурулла?

— Я!—Чего ж ты ищешь здесь?—
— Друг, пойми! Сказал мулла,—
Стала выше наша честь!
Нашей быть Казани, друг!

Видишь камни ты вокруг?
Быть им новою межой!
И не тронет плуг чужой
Все окрестные поля,—
Здесь татарская земля!
Так на сходке нашей смело
Заявил мулла-мудрец...—

— Что тебе с Казанью делать?—
Говорит, смеясь, отец.—
Из деревни никуда
Мы не ездим никогда.
Город нам — что есть, что нет.
Закури-ка, на кисет!—

— Вот крещеный! Вот чуваш!
Чай, татар-то полон свет!
Славный древний город наш
Та Казань! Слыхал, сосед?—

— Ладно, ты читай-ка, слышь.—
Вожжи взял отец:— Нам в путь.
Как взлетишь превыше крыш,
Так соседа не забудь!

*

Волость. Дрожь прошла по коже.
Вон страшилище — кантур¹,
Вон кабак,— зайти прохожий!
Вон базар, криклив и хмур.
Дома каменных два-три,
Вон и церковь,— посмотри!

Раскричались галки с жаром,
Вьются возле колокольни.
Вон знакомый наш с базара
Едет:— К вёдру, видно, клонит!—

Шапку снял отец:— Должно быть!—
Придержал коня:— Постой!—

---

¹ Кантур — контора; обобщенно—волостное начальство в старое время.

Подвязал к телеге обод
Колеса:— Тут спуск крутой!—
Меринка, что ржет тревожно,
Под уздцы берет отец.
Шагом, тихо, осторожно
Мы спустились наконец.
Видим, возле двух ворот
Собирается народ.

На забор гляжу я с воза,
Всех телег не перечешь.
Здесь направо рушат просо,
А налево — чешут шерсть.
— Ишь, раздался-то Курзай!—
Говорит отец:— Слезай!—

На помолке с давних пор
Красит скуку разговор.
Тут вошел один нездешний
Человек, на нем костюм;
Приподнял картуз небрежно,
И замолк привычный шум.

Человек протер очки,
Скрыл за стеклами зрачки.
— Помолоть?— спросил у дедки.
Тот ему ответил:— Да!
Все мышинные объедки
Шелушим теперь... Беда!—

— А... быть может, здесь и есть
Крупорушка? Слышу стук...—
— Да, — сказал хозяин, — здесь
У меня обдирка, друг!—

Дед глядит:— Сам чей? Откуда?—
— Я-то? Я из Гор Великих.—
— Ну, земляк, присядь покуда,
Я из Малых Кочек Диких.—

Тут народ захохотал,
Жернов перегрохотал.

Говорит очкастый деду:
— Ты ведь сказочник, шутник!—
Дед свое:— На сказке еду!
Сказка — мой живой родник!
Сказка лучше всякой были,—
Хлебом белым не корми...—
Остряка остановили:
— Тише ты! Уймись, пойми...—

Стукал жернов часто-часто.
Помолчав, сказал очкастый:
— Братцы! Черный вы народ!
Нет у нас рабов, господ.
Жить вам только с чувашами,
Все мы — близкая родня.
Говорят, что лес с ушами,
Так послушайте меня.

Собираются в кулак
Всюду наши чуваша;
Говорят и о делах,
И о пище для души;
О небесном, о земном,
И о племени родном.

Я недавно побывал
В городах шести-семи;
По-чувашски толковал
С именитыми людьми.

И в Симбирске и в Казани
Чуваша единокорны.
Поднимайтесь, братцы, дружно,
Скоро солнце к нам заглянет!

Жизнь счастливая предвидится.
Нужно, люди, не зевать!
За Керенского правительство
Надо всем голосовать!—

— А с землей-то как?— Заранее
Все обсудим, не спеша.
Наше — в Питере—собрание
Не забудет чуваша.

Сбудутся твои мечты,
Черный люд, народ простой!—
Вдруг поднялся кто-то:— Ты
Говоришь красно! Пстой!—

На очастого взглянул,
Словно душу пронизал.
Приумолк нестройный гул.
Человек тогда сказал:

— Все, по-вашему, родня—
Кто с конем, кто без коня;
И хозяин Ухливан,
И батрак его Риван!
Но какой же черный люд
Те, кто грабят нас и жмут,
Те, кто черного труда
Не знавали никогда?
Черный уголь я, шахтер,
Добываю с давних пор.
Черен труд наш, но поможет
Беднякам рабочий класс!
Вы не верьте тем прохожим,
Кто по шерсти гладят вас:
Скользко с гладкими идти,
Упадете на пути!—

— Ну, а как насчет земли?—
— Землю всю бери, дели,
Обрабатывай, пашни,
Не пугайся, поспеши!—

— Сев закончен... О весне
Призадумалось село...—
— Ну, в апреле, брат, светло
Станет всем, тебе и мне!— !
— Кто же прав тут?— Шум, волнение.
— Где же правда?— Крики, спор.
— Правда? Наша правда — Ленин!—
Уходя, сказал шахтер.

*

Приделась озимь в иней.
Стало голодно скотине.

В поле — холод, в небе — тучи,
Мокнут ветхие онучи.
Полям я иду, бреду,
Нашей телки не найду.

Спотыкаюсь я устало,
Не могу бежать бегом.
Озимь стадо в грязь втоптало,
Кочки жесткие кругом.

Все же скот не на дворах,—
На пустых полях ревет.
— Ох!— грустит бедняк впотьмах,—
У зимы большой живот!—

Маленький, с обидой новой,
Тихо я иду шажком.
На меже лежат коровы,
Пахнут сладким молоком.

А вздохнет одна-другая
После жвачки глубоко,—
Словно вся земля вздыхает,
Вздохи слышно далеко.

Межи в поле проложили,
Знать, на много лет. Тоска!
Лишь бурьяна сухожилье,
Да полынь, что так горька.
Толковали на селе
Без конца о той земле,
Что крепитам-хуторянам,
По словам, навечно дали:
Хутора в округе встали,
На земле взошли бурьяном.

Много лет крепитов глотки
Заглушали всех на сходке;
Хуторян бранило зло,
Ненавидело село.

«Шею нашу оседлали,
Словно черная оса.

Для чего им землю дали?»—
Раздавались голоса.

У крепитов — клетки с рожью,
Сенокос им дан богатый.
Где участок огорожен,
Где нарочно нет ограды.
А зайдет на луг корова—
Ты клянeshь крепита снова;
У него — земля и право:
— Рубль отдай мне за потраву!—

И ревет голодный скот
Возле запертых ворот;
Не увидишь молока,—
Молоко у кулака.
Сапожищами скрипит,
Ухмыляется крепит:
— Не доил корову я,—
Молоко сосет змея!—
Скот, в потраве неповинный,
Он запрет; мычит скотина.
По копейке рубль собрав,
Кулаку несeshь ты штраф.
Не собрал — так спину гни:
Рожь в страду ему ты жни.

...День погас. Брожу я долго,
Все ищу я нашу телку;
Приустали лапоточки,
Спотыкаются о кочки.

Девочку я встретил:— Педер!
Ведь загнали вашу телку!—
С ног меня сбивает ветер.
— Правда?— Я смотрела в щелку!
Телка плачет и худеет
Во дворе у Ургандея;
Перед ней гнилой соломы
Даже нет, не то что дома!
«Рубль» сказал шайтан-крепит;
Там и наш бычок хрипит!—

Говорит девчушка смело,
От обиды раскраснелась:

— Ты поди-ка, погляди!—
У меня огонь в груди.

Мы с ровесницей вдвоем
На участок тот идем.
Близок хутор кулака,
Вон — его поля, луга.

Пусть вовек твоя гнедая
В этот край не забредает!
Если в поисках гнедой
Сам зайдешь сюда с уздой,—
Не встречайся с Ургандеем—
Скопидомом, лиходеем!

Он, хозяин, на беду
Вырвет у тебя узду;
В три погибели согнет,
По седалищу хлестнет.

Волкодав мохнатый рос
Возле дома, на цепи.
Страшно лаял этот пес:
— Ургандей! Гляди! Не спи!—

С цепи пса крепит спускал
В темноте, часов с восьми;
Каждый звук его пугал.
— Агырьян!— кричит,— возьми!—

Худошавая Евлень
Через кочки прыг да прыг:
Ей болтать со мной не лень;
Мы шагаем напрямик.

В гору влезли мы с трудом;
На подъеме вырос дом.
Смотрим в щели у ворот,
И обоих дрожь берет.

Агырьян взметнулся чертом,
Разорвать готов бродяг.
Распахнул калитку гордо
Сам хозяин, словно дьяк.

«Рубль!» сказал мне Ургандей.
Чуть на телку я взглянул,
Вдруг услышал:— Караул!
Грабят добрых здесь людей!
Помогите!..— захлестнуло
Ветром голос. Жуть, тоска...
Человек пять-шесть свернуло
В это время с большака.

Смотрим — наши. В самом деле!
Впереди — солдат в шинели.
Почему-то рады все,
Встали в ряд на полосе.

А кричала дико женка
Ургандея.— Погоди!
Что трясешься, воешь громко?
Все тут наши, погляди!—

— Сбирала я сучочки,
Собрала, да ко двору.
Вишь, народу сколько к ночи
Набежало, не к добру!

*

Да, большак наш — тракт широкий;
Разным людям путь открыт,
Все случается в дороге...
Вот солдат и говорит:

— Ты ль Степанка Ургандей?—
— Так зовусь. А что?— Злодей,
Мор народный, сельский чирей!
Вот кто жить мешал другим!
Распахни ворота шире;
Выходи, поговорим!—

— Что ты, добрый человек?
Кто ты есть? Каков твой чин?—
— Чин мне дан теперь навек,—
Я свободный гражданин!
Знаю я не по наслышке—
Издан в Питере закон,

273026

Говорит нам ясно он:
«Надо землю,— все излишки,
Что достались кулакам,—
Разделить по едокам,
Все вернуть, отдать народу!»

— Не слыхал про это сроду!
Что за лишняя земля?
У меня — свои поля!
Ты напраслину сказал.
Кто закон тот подписал?—

— Ленин подписал закон,
Беднякам защита он.
Что над озимью дрожать?
Не тебе придется жать.
Скот чужой не смей держать,
Выпускай его сейчас!—

Ургандей глядит на нас;
Жметя, словно волк в капкане,
Весь от злобы почернев:
— Ну, спасибо вам, сельчане!
Открывай, старуха, хлев!—
Прохрипел крепит, замолк,
И — метнулся к лесу волк.

*

С большака свернув к проселку,
Мы уходим от дождя.
Впереди — бычок да телка,
Позади — Евлень да я...

День ли, два прошло, глядим,—
Почта к школе подъезжает.
Письма! Рады люди им.
Собралась толпа большая.
Письма шли издалека,
От служивых, из полка.

Подошел отец солдата,
Палочкой кафтан застегнут:

— Нет ли мне вестей? Когда-то
Наш писал... Старуха сохнет...—

Мать солдатская прикрыла
Рот платком, стоит одна.
Нет письма сегодня хилой,
Всем ее печаль видна.

У солдаток платья-крылья
Замелькали там и тут;
Женки уши наострили,
С нетерпеньем писем ждут.

А иная за возами
Так порой сверкнет глазами,
Словно вымолвит слова:
— Я сама себе глава!—

Ждут в народе: что-то будет,
Долго ль вдовам слезы лить?
Кое-кто в толпе пошутит,—
Лишь бы баб развеселить.

А вот этой не до смеха;
Чуть прочла письмо она
От чужого человека,—
Пошатнулась, вся бледна.

Как ударит в небо голос,
Женский плач:— Убит, убит!..—
Это наша вдовья волесть
Надрывается, скорбит.

«За кого, за что, мой сокол,
В поле голову сложил?..»
Кто притих, а кто заохал,
Кто-то женке удружил:
— Твой солдат погиб не зря,
А за бога, за царя!—

Это всех пронзило болью.
Снова слезы, вопли, всхлипы,
Словно кто-то серой солью
Рану свежую присыпал.

Подошел тут незаметно
То ль прохожий, то ль сосед;
На его папaxe — лента;
Ярко вспыхнул красный цвет.

Ничего не позабыто!
Вспомнил сразу я один,
Как пугнул впотьмах крепита
Он, свободный гражданин.

Он сказал:— Слезами горю
Не поможешь все равно.
Но дождемся мира вскоре;
Ждали все его давно,
Дело это решено.

Мир — земли родной спасенье,
Есть уже о нем закон!—
— Кто издал закон-то?— Он,
Первый наш заступник Ленин!—

*

Вспоминаю осень эту,
Что всегда в душе со мной.
Осень эта шла по свету,
Шла зеленою весной.

1955

ДОМ В ГОРКАХ

1

Покрыты инеем деревья.
На кровлях — снега пелена.
Простая русская деревня —
Навек запомнилась она.
Весь шар земной,
Все страны света
Ее названье обошло.
Дыханьем Ленина согрета,
Она хранит его тепло.
Тут в наши дни крестьянин каждый
Расскажет с радостью тебе,
Как Ленин выступал однажды
В простой бревенчатой избе.
И мраморной доской отмечен
Навеки день счастливый тот.
— Наш Ленин жив,
Наш Ленин вечен!
Он — с нами! — говорит народ.

2

Мы съехались в Москву с Кавказа и Памира,
С таежных быстрых рек, со всех концов страны.
И потянуло нас, борцов за дело мира,
К тому, чьей правдой мы сильны и сплочены.

Морозно. Сумерки. Уходит вдаль аллея,
И ели, пышные под снегом января,
В пахучей тишине теснятся, зеленея
И о бессмертии великом говоря.

Обширный этот парк вовеки неизменен.
И каждый уголок здесь полон Ильичем,
Как будто и сейчас живой проходит Ленин
И твоего плеча касается плечом.

Он летом приходил к зеленому пригорку,
Садился на свою любимую скамью.
На пахоту глядел Ильич и на уборку,
И думу думал он заветную свою.

Лежала перед ним Советская Россия.
Он видел: далеко, за синий край земли,
По самый горизонт шли полосы косые.
На ширь полей они заплатами легли.

Но Ленин занят был в ту пору не пейзажем.
Он видел нищету разрозненных дворов
И думал: «Если дать бы для начала, скажем,
Крестьянской бедноте сто тысяч тракторов!»

Избу, где по ночам в светце лучина тлела,
Мечтал он озарить негаснувшим лучом.
Его великий план мы претворяем в дело.
Какой гигантский путь начертан Ильичем!

За три десятка лет, в короткий срок, недаром
Полкарты мира свой переменяло цвет.
Гореньем Ильича, его душевным жаром
Навеки шар земной пронизан и согрет.

3

Вон дуб, Москвы ровесник, перед нами.
Ильич о нем заботился. Дупло
Заполнено цементом; обручами
Скрепили ствол, чтоб дерево росло.

На перекрестке двух аллей нередко
С рабочими совхоза в городки
Играл Ильич, прицеливаясь метко.
Его броску дивились игроки.

Зимою, в куртке меховой короткой,
С ружьем в свободный час он уходил.
В аллеях парка легкою походкой
Он с маленьким племянником бродил.

Нескладного «Ролс-Ройса» кузов древний
 Разглядываем долго в гараже.
 У нас не только в городе — в деревне
 Теперь таких не встретите уже!

О, если б мог своим орлиным оком
 Хоть на мгновенье увидеть Ильич,
 Как сходят нескончаемым потоком
 С конвейеров «Победа», «ЗИС», «Москвич»,

Как движется в полях электротрактор,
 На стройках — экскаватор-великан,
 Как в наши дни стал жизненною правдой
 Начертанный его рукою план!

*

А вот и лодка Ленина.

Подолгу

Он греб, и равномерный плеск воды
 Ему напоминал, быть может, Волгу,
 Прибрежные обрывы и сады.

Всплывал перед глазами город старый
 С разноязычной, пестрою молвой.
 В Симбирске жили русские, татары,
 Ютились рядом чуваши с мордвой.

О многом говорило их соседство.
 Глумение над ними, их нужда
 Ему запали в душу с малолетства
 И в памяти остались навсегда.

Питал он отвращенье к темной силе,
 Что безраздельно властвовала тут.
 Он возмущался тем, что пол-России
 С презреньем «инородцами» зовут.

И «инородец» Яковлев¹ немало
 Познал гонений на пути своем.

---

¹ Иван Яковлевич Яковлев (1848—1930) — выдающийся просветитель чувашского народа, педагог, общественный деятель, создатель чувашского алфавита и письменности.

Зато в семье Ульяновых встречал он
Сердечный, теплый, дружеский прием.

Нам телеграмма Ленина знакома.
О Яковлеве помнил он всегда.
Высоко оценил предсовнаркома
Полвека беззаветного труда.

... Тянулось жадно к свету наше племя,
Из тьмы бесправья выбиться спеша.
Ильич еще был юношей. В то время
Он обучал наукам чуваша.¹

Об этом память не умрет в народе.
Но ты не знал, учитель мудрый наш,
Что сына, в честь Ульянова Володи,
Решил назвать Владимиром чуваш.

На бой с неправдой выходил ты смело,
Всегда клеймил насилие и зло.
И ненависть к царизму в сердце зрела,
Стремление к свободе в нем росло.

В борьбе прошли года. Оковы рабства
Разбила нашей партии рука.
Ты всех народов равноправных братство
Провозгласил впервые на века.

5

При входе в дом нам душу озарило
Незримое присутствие вождя.
За эти деревянные перила
Держался он, по лестнице всходя.

Балкон глядит в притихший парк.
Не здесь ли,
Шутя над предписаньями врача,
Сидел Ильич в плетеном белом кресле?
Вот перед нами кресло Ильича.

¹ Будучи гимназистом последних классов, В. И. Ленин подгото-
вовал на аттестат зрелости чуваша Никифора Михайловича Охот-
никова.

... Надежда Константиновна по дому
 Проходит, неустанно хлопоча,
 Заботливо читает вслух больному,
 Оберегает отдых Ильича.

Ей детский дом прислал письмо из Вятки.
 Как взрослые, в те памятные дни,
 О Ленине тревожатся ребята,
 Хотят вождя порадовать они.

Проникнуто любовью беспредельной
 Письмо.

И сквозь музейное стекло
 Глядим на их подарок самодельный
 И ощущаем детских рук тепло.

7

... Взглянешь — и картина оживает.
 На столе синеют васильки.
 Крепкий чай в стаканах остывает,
 Вдаль поля уходят, широки.

Вся страна видна как на ладони—
 До того прозрачен оком!
 Это Ленин с Горьким на балконе
 В летний день беседуют вдвоем.

Тот язык для мира драгоценен,
 На котором Горький наш творил,
 На котором сам великий Ленин
 С трудовым народом говорил.

8

У его рабочего стола
 Мы стоим в просторном кабинете.
 Ленинская мысль исток брала
 Здесь,

пускаясь в путь по всей планете.

Здесь он диктовал свои статьи.
 Комнату обводим долгим взглядом:

Книжка Джека Лондона,
«Мои
Университеты» с нею рядом;
На стене обычный календарь
С чеховским портретом...

Сердце сжалось:
Здесь на веки вечные осталось
Двадцать первое число, январь.

И, отмечен этой скорбной датой,
Пожелтел несорванный листок.
Но душе не свыкнуться с утратой...
Ленин!..

Ленин умереть не мог!

Мир
его великой правдой крепок.
В ней — вся наша сила и судьба.

... Зимней ночью этот белый слепок
Снял ваятель с выпуклого лба.

Скорбным, нескончаемым потоком
Двинулся народ под свист пурги.
Проторили путь в снегу глубоком
Многочисленные шаги.

Позабыв о стуже и метели,
В ночь глухую, не смыкая глаз,
Люди шли сюда.

Они хотели
На вождя взглянуть в последний раз.

9

И вот, качаясь, этот гроб тяжелый
У миллионов на плечах поплыл.
Его несли и города, и села.
Весь шар земной охвачен скорбью был.

Повсюду смолкли голоса людские,
Лишь хор гудков, тревожно-величав,
Звучал над всей землей, над всей Россией,
Провозгласив бессмертье Ильича.

И партия великая клялась
Хранить святыню ленинских заветов,
И с нею клялся весь рабочий класс
Беречь свою Республику Советов.

10

Сейчас, народов равноправных дети,
Мы собрались в Москве, чтоб сообща
Вести борьбу за мир на всей планете.
А дело мира — дело Ильича!

Посланцы дружбы, мы слились в едином
Порыве —

братьев крепче не сплотишь!

С корейцем, русским, чувашом, румыном
Плечом к плечу стоят поляк, латыш.

11

... Здесь Ленина любимая аллея.
Пушистый снег на елях голубых.
Я видел их сестер у Мавзолея
Гранитного, у стен Кремля седых.

Могущество родной моей державы
Походит на незыблемый гранит.
И ель, как символ жизни величавый,
В себе приметы родины хранит.

На свете равных нет моей отчизне!
Она — труда и мира бастион.
И каждую минуту нашей жизни
Мы — с Лениным и с нами вместе — он!

1952

ЛЕТНИЕ СУТКИ

Заставал меня в дороге
В чистом поле дождь косой,
Я натруженные ноги
Освежала не раз росой.

От жары в пути страдаю,
Был я вёдру рад подчас:
Зной так зной — жара такая
Для пшеницы в самый раз!

Нынче копнам в поле тесно.
Скоро свадьбы зашумят...
Край родимый, край чудесный,
Ты цветешь, как вешний сад!

Мне в районе отдаленном
Побывать на днях пришлось.
Прямо в поле из вагона
Соскочи — и вот ты гость.

Ты в глубинке, где не часто
Горожанин держит путь:
Раз-другой в году начальство
По делам каким-нибудь...

Впрочем, к делу! Спрыгнув наземь
И не встретив ни души,
Впредь до будущих okazji
Я идти пешком решил.

В путь! А там, глядишь, подвода
Или газик МТС.

Правда, жаркая погода,
Но подать рукою — лес.

Зашагал к нему и, верно,
Долго ждать не довелось:
Сзади топот равномерный,
Стук окованных колес.

Нагнала меня телега.
Слышу голос:— Эй, дружок!
Сядь, доставлю до ночлега—
До района путь далек!—

Сел я рядышком с возницей.
Понукает он коня,
Сам же, вижу я, косится
С любопытством на меня.

— Сел? Ну вот и молодчина.
Будут целы сапоги.
Лошадь, правда, не машина,
Но четыре всё ж ноги...

Я спросил его, откуда
Сам он. Слышу:— Из Малкас.
Знают здесь меня повсюду.
Тысяч пять, примерно, раз

Путь от станции к району
Я прошел за двадцать лет,
И за это почтальону
От людей почет, привет.

— Ну, а плата?— Подходяща.
Сыт, хватает на табак:
Для работы настоящей
Не гожусь ведь как-никак.

Но зато я гость желанный
У любого огонька,
Гость почетный, долгожданный,
Вроде, скажем, жениха.

Здесь по множеству вопросов
Не последний голос мой...—
Почтальон мой был философ
И оратор записной.

Я под речь его, не скрою,
Лег, пристроившись, как мог;
Кашкой, мятой луговой
Пахнул встречный ветерок.

И забылся я в телеге,
Прочной, легкой на ходу.
Есть такое в мерном беге,
Что всегда чего-то жду.

Он уводит прямо в детство
С огоньком костра в ночном,
Он живет в груди наследством
Светлых дней в краю родном...

Замечтался. Той порою
Мой сосед твердил свое.
Говорил он с похвалою
Про колхозное житье:

— Видишь сам, часты копенки.
А с чего они взялись?
О земле, как о ребенке,
С прошлой жатвы тут пеклись.

Трактор тоже... Прямо скажем,
Разве конь ему чета?
Вглубь берет, как ни прикажем,
Как по нитке борозда...—

С этой темы на другую
Перешел вдруг почтальон:
— О войне-то что толкуют
В Шубашкаре?— начал он.—

По всему видать, не будет,—
Сам же дал себе ответ.—
Есть везде простые люди,
С них довольно всяких бед.—

Что к словам его добавить?
Сам я мыслю точно так.
И решили мы оставить
Разговор наш натошак.

Незатейливый, но скорый
Ужин мигом был готов:
Лук, десяток помидоров,
Горка свежих огурцов,

Хлеб да соль еще, к тому же
Деревенский аппетит...
Вот такой, примерно, ужин
Хоть кому не повредит.

Мой заботливый возница,
Подложив сенца коню,
Не замедлил извиниться,
Что мясного нет в меню.

— Тут всего бы полбарана,
Заморили б червячка,
Но не режем: слишком рано,
Пусть побегают пока.

Налегай на витамины!
О куриной слепоте
Нет в округе и помина:
Времена пошли не те.

А была ведь хворь такая.
А случалось и цынга.
Не слыхал? А я, брат, знаю,—
И старик вздохнул слегка.—

Да, теперь мы знаем сами,
Что за сила в овощах.
Только все же, между нами,
Мясо — главное во щах.—

Посвежело. Добрый коник
Зашагал по большаку,
И с возницей мы в районе
Оказались к вечерку.

К трудодню его прибавив
То, что было по плечу,
Попрощавшись с ним, я вправе
Путь держать куда хочу.

Проходя мимо райкома,
Я невольно услышал,
Как какой-то бас знакомый
Директиву диктовал.

А потом по телефону
Речь завел о молотье.
То давал глава района
Знать кому-то о себе.

Не дослушав речи строгой,
Мешкать даром не любя,
Я пошел своей дорогой,
Улыбнувшись про себя.

Между тем на небе синем
Звезды вспыхнули. Чуть-чуть
Обозначился Гусиный,
А по-русски — Млечный Путь.

Птицы смолкли. У обочин
Ветлы замерли, и вот,
Стало слышно, как рокошет
Невидимка-самолет.

В середине расстоянья
Меж небесных двух Ковшей
Появилось вдруг сиянье
Бортовых его огней.

Кто там, в поле звездном, ездит,
Кто в полночный час летит.
Очертания созвездий
Изменяя на пути?

Кто бы ни был, путь им добрый!
Это свой, родной народ.
Доброй ночи вам, кем собран
Летчик в путь и вам, кто ждет!

Снова стихло. С небосклона
В вечность канула звезда.
Вот еще огонь зеленый,
Вспыхнув, замер навсегда.

Третий, тоненький, как волос,
След свой прочертил болид.
В этот миг раздался голос:
«А моя звезда — горит!..»

Оказалось — я в деревне,
Называется Патмар.
Тут пройти бы поскорей мне,
Только я попал в разгар

Вечеринки в местном клубе:
Здесь молодой народ
По утрам работать любит,
Ночь — гуляет напролет.

Смех и пенье. Звуки скрипки.
Ну, конечно, и гармонь.
Всюду девичьи улыбки,
Сами девушки — огонь.

Поглядев на эту сцену,
Искушение поборов,
Чтобы где-нибудь на сене
Обрести покой и кров,

Зашагал я дальше. Скоро
Впереди в глухой ночи
Сквозь неясный гул и шорох
Колокольчик различил.

Вот он ближе. Парень статный,
В тарантасе развалясь,
Знать, со свадьбы путь обратный
Держит, важный, словно князь.

Я спросил, не поспешил ли,
Не вернешься ль, мол, назад.
— Нет, уж дело порешили,
Бал окончен, гости спят.—

Голос хриплый. Парню спать бы—
Пел и пил во всю он мочь,
Как и водится на свадьбе,
Не одну, должно быть, ночь.

Указал он мне дорогу
И поехал, не спеша.
Ну, а я пройдуся немного—
Ночка больно хорша.

Если копнам в поле тесно—
Свадьбы весело шумят.
Край чувашский, край чудесный.
Ты цветешь, как вешний сад!

*

Уж давно огни Патмара
Позади оставил я.
Впереди поля под паром.
Копит силушку земля.

Вдалеке мотор рокочет
И, усердствуя за двух,
Где-то рядом что есть мочи
Голосит в ночи петух.

Заливаются собаки.
Знать, жильё недалеко.
Слева копны. Их во мраке
За дома принять легко.

Вот и избы в два порядка,
Но нигде ни огонька.
«То-то спят, наверно, сладко:
Ночь-то в жатву коротка!»

Так подумал я, шагая
Вдоль дренажной колеи.
Но была совсем иная
Тут причина. Не легли

Спать колхозники, и дико
Было думать так. Давно

Здесь от мала до велика
Все село пошло в кино.

О событье, пусть не ярком,
Но отрадном, я узнал,
Обратившись к двум дояркам,
Что покинув кинозал,

Шли, еще до половины
Новый фильм не досмотрев,
Корм готовить для скотины—
За село, в колхозный хлев.

Я спросил их, что давали.
— «Дочь Китая»,— был ответ.—
Жаль, что поздно нас собрали:
На дворе-то уж рассвет...

Правда их была: верхушки
Посветлели у берез.
— Далеко ль от вас до Кушки?—
Задал я еще вопрос.

— Недалеко, но к чему же
Вам спешить? Ночуйте здесь,
Ведь у нас ничуть не хуже
Отдохнете — место есть.—

Я сказал, что торопиться,
Мол, обязан, и они,
Чтоб с дороги мне не сбиться,
Указали на огни.

Невдали, за полем чистым—
Крыши виделись. Совет
Тут же принял я и быстро
Зашагал на яркий свет...

Свет тот самый, что «электра»
Назовет в стихах поэт
Или, скажем, клубный лектор
А народ, тот просто — свет.

«Свет-сюды!» В нем сила солнца,
Сила ветра и воды.
Пусть из каждого оконца
Льется светлый «свет-сюды»!

Как бы где ни называли
Эти новые огни,
В каждом хлеве, в каждом зале
Пусть горят у нас они!

Перешел я мостик гулкий
Через Шетме иль Сявал,
Пожалев, что я прогулок
Раньше здесь не совершал.

Все виднее становился
На пути любой предмет,
Впереди все так же лился
Тот же ровный, чистый свет.

Месяц выглянул, и сразу
Просветлел весь мир вокруг,
Чистой россыпью алмазов
Засверкал росистый луг.

Побледнели в небе звезды,
Стала ночь сходить на нет.
Только тот, что мыслью создан,
Не тускнел покамест свет.

Вот он скрылся за холмами,
Но минуты не прошло,
Как знакомыми огнями
Поманило вновь село.

«Свет-сюды», я путь свой знаю,
Ты мани иль не мани.
Вот иду, припоминая
Те далекие огни,

О каких в глухую пору
Короленко написал.

Свет их чистый многим взорам
Путь-дорогу указал.

Огоньки чудесной веры
В человека, как маяк,
Освещали сумрак серый
И глухой полночный мрак.

И в огнях, что предо мною
Разливают ровный свет,
Бьетесь искрой вы живою,
Огоньки далеких лет!

*

Вот и в Кушке я. Хоть цели
Не вполне достиг пока,
Но добрался до постели.
Хороша постель, мягка!

Надо мной навес дощатый,
Подо мною — сеновал.
Сено — пух, за аромат я
Все перины бы отдал!

Кто, — скажу тут без пристрастья, —
Запах свежего сенца
Не вдыхал хоть раз, тот счастья
Не изведал до конца.

Я устал, но мне не спится.
Слышу близкое «Ай-яр!»...¹
Скоро в небе разгорится
Золотой зари пожар.

Застучал мотор машины,
Дверью хлопнули в избе,
Говор, шум — ясна картина:
Свадьба вся, конец гульбе.

«Увезет жених невесту,
Будет новая семья.

---

¹ Запев в народной песне.

Путь им добрый, честь и место
В новой жизни», — думал я.

Если копнам тесно в поле,
Значит свадьбы хороши.
Молодым счастливой доли
Пожелаем от души!

Стихло все, а нет покоя:
Радость спать мне не дает.
Вижу я, что ты судьбою
Не обижен, мой народ.

Жатва — то ли не забота,
Пропасть дела у людей,
Но не спит после работы
Вся округа, хоть убей.

Игры разные и танцы,
Песни с пляской заодно
И полночные сеансы
Долгожданного кино.

Спал я мало. Пробудился—
На дворе стук топора.
Стало быть, уже трудился
Кто-то с раннего утра.

То был сам хозяин дома.
Борода лопатой. Стар.
Но в руке, с трудом знакомой,
Сил хватало на удар.

Он с недели на неделю
Ждал из армии сынка
И тесал шести для хмеля...
Дело шло у старика.

— Хорошо ли спал?— спросил он,--
Без перины не продрог?—
— Лучше быть нельзя, спасибо!
— В дом прощу. Я в погребок

Баб послал...— Пошли мы рядом.
— Вот тружусь по мере сил.
Но, видать, на отдых надо.
Этим летом не косил,

Так, у скирд помог и — точка,
А работнички нужны.
Ну, да есть и сын и дочка...
Только б не было войны.

Нас бы дети хоронили,
А не мы их в горький час.
А работа... что же, в силе
Недостатка нет у нас...—

— Да, такому верить можно,—
Думал я. бредя за ним,—
Видно, что старик надежный
И пример всем молодым.

Он еще не сдаст в работе.
А ведь как слова верны:
«У народа труд в почете,
Только б не было войны!»

*

Над Сявалом светлым — села.
Заливных лугов простор.
Здесь жителям веселых
Я узнал с недавних пор.

И, узнав, гощу тут часто.
Путь не близок, спору нет,
Да зовет в дорогу властно
Этих мест прекрасный свет...

Позади оставив Кушку,
Типсирму, Кужар пройдя,
Словно рошей, вдоль опушки,
Я иду после дождя.

Два ряда берез старинных,
Вдаль протянутых, как нить.

(Их еще Екатерина
Приказала посадить).

А между рядов тех строгих,
Под листвою, что век в пыли,
В грунт Березовой Дороги
Камни старые легли.

И под кронами густыми
Вековых, седых берез
То в пыли, то в синем дыме
Не один спешит обоз.

С новым хлебом. А в сторонке
Самоход плывет во ржи.
Рядом газик — струйкой тонкой
Прямо в кузов рожь бежит.

Но серпы в ходу и ныне:
Где изгиб оврага крут
И проезда нет машине,
В три ряда жнецы идут.

А комбайн — как на паркете.
И какой ему простор!
Приглядевшись, я заметил,
Что в платочке комбайнёр.

Кто там с песенкою звонкой
Самоход ведет вдали?
То не давняя ль знакомка,
Не моя ли Натали?

Нет, должно быть. Разве мало
У нее подруг в стране,
И умелых, как пристало
Новым людям новых дней,

И готовых петь, как птица,
Оттого, что жизнь красна.
У любого труд спорится,
Если на душе весна.

Но особенно — машинный,
Коллективный, дружный труд.
В сказках о труде старинных
Самомолки сеют, жнут.

Самопрялки ткут полотна,
Чудо-печь сама печет.
Человек в мечте охотно
Избавлялся от забот.

А забот и бед хватало
Всюду у простых людей:
Пашня силы надрывала,
Люд в страду не спал ночей.

Помню я, порой проклятой
Проливая тяжкий пот,
Серп не зря свиньей горбатой
Называл везде народ.

Но мечта о самомолке
Не пропала даром, нет.
Подчинилось комсомолке
Это чудо давних лет.

И ведет себя примерно:
Жнет, молотит на ходу.
Будет нужно, так, наверно,
Приготовит и еду.

Песни нынешнего века
Славят мысли торжество,
Славят разум человека,
Волю гордую его.

А давно ль интеллигентов
Не любил простой народ.
Сколько едких комплиментов
Отпускал на этот счет!

«Прямоспинки», — с возмущеньем
Говорил о них любой.
Где оно, к тому презренью,
Кто трудится головой?

Нет его. «Любое дело,—
Так гласят слова молвы,—
Ждет сейчас и рук умелых
И толковой головы!»

*

Широко ты нынче, поле!
Ни межи, ни края нет..
Кухня — вроде ротной, что ли.
Пар валит — кипит обед.

«На обед!»— кричит бригаде
На все поле кинемей.¹
Я отмечу, правды ради,
Поварской колпак на ней.

И еще, что ей не надо
Дважды звать людей. Они
Вмиг явились. Знать, бригада
Одобрела вкус стряпни.

Я назвался. Бригадир же,
Парень, видно, из лихих,
Крикнул людям:— Братцы, тише!
К нам — поэт, прочтет стихи!

— Просим, просим! Да немного
Подкрепится пусть у нас.
Ведь от нас, поди, в дорогу
Он отправится сейчас.—

Поприбавилось заботы
У дородной кинемей,
Коль по мне судить, с охотой
Привечающей гостей.

Между тем шутник досужий
К ней успел уже подсесть.
Где получше, где похуже,
Но везде такие есть.

Он сказал, сверкнувши ярко
Всем наличием зубов:

---

¹ Кинемей — так почтительно называют пожилую женщину.

«С тем, что Ленин о кухарках
Написал, и я готов

Согласиться, ибо дар свой
Доказали вы опять.
Вам и суп и государство
Смело можно доверять!»

Шутка — шуткой, только, к слову,
Я уже за много дней
Ни в одной другой столовой
Не едал супов вкусней.

Вмиг исчез он, а беседе
Дан иной был оборот.
За вторым мои соседи
Обсуждали самоход.

— На таком работать можно,—
Говорил о нем один.—
Спору нет, куда надежней
Всех, какие знал, машин.

Но изъян и в нем немалый:
На пшенице — хоть куда,
А на ржи — пиши пропало,
Так потравит, что беда...

— Не везде берет, согласен,—
Поддержал его другой.—
А вот корень в чем?— Он ясен:
Рожь такая, что с дугой

Лошадь скроется, пожалуй,
Вот и травит самоход.
Но зато поломок мало
Против прежнего...— Народ

Говорил со знаньем дела.
Никаких особых тайн
От пытливых и умелых
Утаить не мог комбайн.

Кто постарше (скуповаты,
Как известно, старики)—
Говорили, что, мол, плата
За комбайн им не с руки.

— Вот страда, а дела нету,—
Все к тому ж вели они.—
Поработал бы, да где там!
Съел комбайн все трудовни.—

Стариков не поддержали:
Все же вырос, мол, доход.
В разговоре по деталям
Разобрали самоход.

В чем какой допущен промах,
И на ком лежит вина
За простои от поломок.
Прояснен вопрос до дна.

Вслушиваясь, я, признаться,
Пережил приятный миг.
Был тут повод восхищаться:
Нет, не лапотник мужик!

Разве смог бы в дни былого,
Как бы ни был он остер,
Дельно вставить хоть полслова
В этот общий разговор?

«Между нами нету грани,—
Думал автор в тот момент,—
А ведь все кругом крестьяне,
Только я — интеллигент!»

Вот он здесь, на первом плане
Хлебороб, батрацкий сын,
Вот он — нынешний крестьянин,
Книгочей, знаток машин;

Агроном уже отчасти,
А отчасти — правовед,

Представитель местной власти,
И немножечко — поэт.

Заявляю смело свету:
Первенство на много дней
По количеству поэтов
За Чувашией моей!

Не шучу я. В самом деле—
Стужа, вешние ль деньки,
Но в любой из дней недели
Здесь услышите стихи.

И хотя попал не в пору,—
Как-никак, а все ж — страда,
Но внимание во взорах
Я улавливал всегда.

Я читал стихи бригаде.
Только разве бригадир,
На часы, на небо глядя,
Как заправский командир,

Взвешивающий толково
Обстановку в трудный миг,
Пропустил одно-два слова,
Впрочем, суть и он постиг.

Кончил я. Он поднял голос:
— Как, понравились стихи?—
Тут бригада раскололась:
— Что же, рифмы не плохи...

— Нет, постой, не все там четко,—
Начал, было, комбайнёр.—
«Вот тебе и проработка»,—
Мне подумалось. Но спор,

Что вот-вот мог разгореться,
Был отложен: бригадир,
Вовремя подав совет свой,
Водворил покамест мир.

— Стоп!— сказал он.— Вечер целый
Погостит у нас поэт.
А сейчас пора за дело.
По местам, кончай обед!

*

Нынче копнам тесно в поле,
Свадьбы весело шумят.
На родимое раздолье
Устремлен весь день мой взгляд.

Не меня на свадьбы эти
Ждут, все очи проглядев.
Отчего ж так чист и светел
В сердце свадебный напев?

Отчего, дыша любовью,
Он подчас звенит тоской?..
День и ночь идти готов я
По тебе, мой край родной!

Видеть все в своей отчизне—
В этом право и удел.
В путь же, чтоб еще при жизни
Не остаться не у дел!

*

Я пяток мостов дошатых
Перешел. У рыбаков
Ел уху. Весьма богатый
В день тот выдался улов.

И ширтан,¹ и сыр домашний
Я попробовал у них
В час, когда над свежей пашней
Вечер ласковый притих.

И кувшин с янтарным пивом
Показал нам дно свое,
И текла беседа живо
Про крестьянское житье.

---

¹ Ш и р т а н — род колбасы из баранины.

Но внезапно оборвался
Этот мирный разговор.
Мой сосед вперед подался,
Устремил направо взор.

Проследив за взглядом этим,
Оживились рыбаки.
Наконец и я приметил:
Кто-то едет вдоль реки.

Из ближайшего селенья
Направлялся прямо к нам
Кто-то важный, без сомненья,
Коль судить по рыбакам.

Крик раздался: «Почта! Почта!
Сандор письма нам везет!»
«А,— подумал я,— так вот что
Взбудоражило народ!»

Наступил конец беседе.
Правя к нам на огонек,
Мчался на велосипеде
Худощавый паренек.

Мигом молодежь сбежалась
С пашни, жнива, от реки,
И не мало оказалось
Тут народу. Старики

Ждали городских известий,
Писем — девушки, юнцы—
Той одной желанной вести,
Что лететь во все концы

Нашей родины просторной
Даст им право. В эти дни
Стать на путь борьбы упорной
Приготовились они.

Одного ждал ВУЗ, другого
В дальний путь манил завод,

Третий... Впрочем, у иного
В мыслях все еще разброд.

Разобрался Сандор в почте,
Роздал письма, а народ
Все еще чего-то хочет—
Не расходится и ждет.

— Сандор, где же «Таван Адол»?
Где «Ялав»?¹ Газета где?
— Подождать пока что надо:
Запоздали в этот день.

Не видал я лиц унылых,
Но пришлось увидеть. Вдруг
Что-то будто бы остыло
В каждом, кто стоял вокруг.

Лишь один,— зато уж кстати!—
Местный орган «Коммунист»
Поддержал все ж честь печати.
Зашуршал газетный лист,

Люди сводку прочитали.
Дух поднялся. В эти дни,
Видимо, не отставали
От соперников они.

Слышу:— Да, земляк, работой
Тут все заняты всерьез.
Первым на Доску Почета
Записали наш колхоз.

Уж теперь-то мы заданье
Перевыполнить должны...—
Вот он, дух соревнования,
Мощный дух моей страны!

*

Я в пути. Еще работы
Не закончены в полях.
Солнце теплой позолотой
Покрывает пыльный шлях.

---

¹ «Таван Адол», «Ялав» — чувашские журналы.

Но уже спустилось низко. —
Где-то за бугром поют. —
По напевам, сердцу близким,
Шубашкарцев узнаю.

С ревом, словно танк, трехтонка
Вырвалась из-за бугра.
Я от пыли стал в сторонку,
Вдруг услышал тарарам.

Громко, дружно по кабине
Застучали в десять рук.
Оказалось, что в машине
Режиссер, мой старый друг.

С ним десятка два актеров —
Все знакомый мне народ.
Сел без долгих разговоров,
И поехали вперед.

Мчится полная машина.
— Вы куда? — Не все ль равно?
Пой и будешь молодчиной,
Действуй с нами заодно!

*

Лес, поля, лужок и речка —
Все осталось далеко.
До последнего словечка
Спета песня с огоньком:

«Не для матери — для дочки
В избу новую зашел...»
Въезд в село. Без проволочки
Зоркий страж к нам подошел.

Он раскрыл ворота. Был то
Семилетний мальчуган,
Из таких, кто страстью пылкой
К механизмам обуян.

Впрочем, как в лесу — деревьев,
Много стало их, босых.

— Это что же за деревня?
— Здесь село Карук-касы.

Поручусь, что все селенье
Разузнало в этот миг
О внезапном появленьи
Труппы городской у них.

— Мама, дай скорее рублик!—
Карапуз бежит. Сопит.—
Ведь сегодня в нашем клубе
Академтеатр. «Нарспи»!

А театр уж подъезжает
К двери клуба, и гудком
Всех шофер оповещает
О прибытии своем.

Он шутник. Кричит: «Кто быстро
Государству сдаст зерно,
Тем колхозам по артисту
Дать за центнер решено!»

Шутке рады. Но в народе
И ответить есть кому.
«Избу суженый находит
Сам, дружок,»—кричат ему.

С толком выбрав из артистов
Повнушительней на вид,
Кинемей с клюкой статисту
Между тем свое твердит:

— Мне, сынок, оставь местечко,
Да поближе где-нибудь:
Издали-то ни словечка
Не пойму... Глуха чуть-чуть.

— Ладно, ладно. Место будет,—
Улыбнулся тот слегка.—
Кинемей ведь не забудет
Пригласить и старика?

— Как же, как же, мой голубчик!
Позову. Уж так и быть—
И ему оставьте стульчик:
Где иголка, там и нить!

Пред большим помостом сцены—
Зал на сколько хочешь мест.
Потолок, ряды и стены—
Все что видит глаз окрест.

Чудодей — колхозный плотник
Ходит, пробуя настил.
Сам хозяин, сам — работник,
Весь театр он смастерил.

Ребятишки, как обычно,
В щель любую тычут нос.
Голоса — что щебет птичий.
Разрешается вопрос,

Скоро ль занавес поднимут.
Но театр пока что ждет:
День из тех, что кормят зиму—
В поле все еще народ.

Солнце село, и прохладой
Потянуло от реки.
Вот последняя бригада
Возвратилась. Огоньки

Загорелись повсеместно.
А артисты между тем
За столом расселись тесным,
Мест хватило, впрочем, всем.

— Вкусный суп, небось, сегодня,—
Заявил один из них.
И шутник был всеми понят.
Общий смех не скоро стих.

— Тут-то дело без обмана,—
Улыбнулся Тахтаман,—

А на сцене есть не стану,
Не поддамся на обман.—¹

Мигедер с Нарспи смеялись,
Улыбался и Сетнер.
Все они в тот миг являли
Дружбы искренней пример.

И ничем вам эти люди
Не напомнили б о том,
Что один другому будет
Через полчаса «врагом».

Что они в обличье новом
И любовь, и гнев подчас
От души идущим словом
Скоро вызовут у нас.

Славен труд их. В грозной драме
Потрясут игрой сердца
Те, кто в этот вечер с нами.
А другие без конца

Заставляют зал смеяться,
Может, где-то в этот миг.
В тесных рамках декораций
Сжат весь мир, а мир — велик.

Век минувший, наших буден
И торжеств круговорот—
Все, чем нынче живы люди,
Перед ними предстает.

Смена сцен, и лиц, и реплик...
Мал его рабочий стаж,
Но растет и быстро крепнет
Наш театр — любимец наш.

И могу ль хотя двух слов я
Не сказать, друзья, о тех,

---

¹ Речь идет об отравленном супе, который подает Тахтаману Нарспи в пьесе К. Иванова.

Кто, горя к нему любовью,
С ним и срывы, и успех,

Кстати, часто очень краткий,
Разделяет всякий раз,
Отдавая без остатка
Силы творческой запас?

Глубину и свежесть чувства,
Мужество в борьбе со злом,
Все, что с вами мы искусством
В общежитии зовем,

В поездах и на машинах,
На своих двоих подчас
В город и в район глубинный
Донесли они до нас.

Кто б то ни был: Алексеев,
Ярдыкова иль Ырзэм,
Молодым и корифеям—
От души спасибо всем!

Пусть простят, коли некстати
(Для всего своя пора)
Помянул о них в печати
Скромный труженик пера.

*

Прозвенел звонок короткий,
И, как водится, парторг
Начал вечер наш со сводки:
За три дня подвел итог.

— Вот спектакль посмотрим нынче,—
Так повел он дальше речь,—
Только пусть никто не хнычет,
Что пришлось, мол, поздно лечь.

Кто пословицы не помнит,
Так прошу иметь в виду:
«Целый год народ прокормит
День без дождика в страду».

А погода — просто чудо,
Я б сказал, природный дар,
Но зевать нельзя, покуда
Не свезем зерно в амбар.

Приналечь еще нам надо
И тогда уж снова в клуб
Театральную бригаду
Звать на Петушиный Суп.¹

Это можно... Мы не хуже,
Чем любой другой колхоз.
С жатвой справимся... Заслужим—
Это нынче не вопрос.

Не вопрос, что будем с хлебом
Все мы в нынешнем году.
Но ведь мыслит всяк: а мне бы .
И скромную еду...

Так ведь? И, конечно, прав он:
Все мы лучше жить хотим.
Труд дает на это право
Каждому — на том стоим.

Но, как свадьбы нет без пира,—
 Попрошу иметь в виду,—
Так житься нам нет без мира—
 Вот к чему я речь веду.

Как помочь нам в этом деле?
Путь один, соображай:
Без потерь к концу недели
Соберем весь урожай!

*

Полночь темная, глухая,
А в селе никто не спит.
Люди смотрят, сострадаая,
Как терзается Нарспи.

Много тут, скажу по чести,
Было тронута сердец,

---

¹ Петушиный Суп — осенний праздник урожая.

И глаза на мокром месте
Оказались под конец—

И у девушек задорных,
И у женщин пожилых.
Словом, был успех бесспорный
У приятелей моих.

Только сутки, как я вышел
В необычный этот путь,
А увидел и услышал—
Как за год какой-нибудь.

Но и сотой даже доли
Из того не описать,
Что и в избах и на воле
Довелось мне повидать.

Голубиной зорькой скоро
Просветлеет небосвод.
Пьесу кончили актеры,
Рукоплещет им народ...

Улеглась деревня поздно.
Я же вышел поглядеть,
Как на небе меркнут звезды,
Как восток начнет алеть.

И мотив давно известный
Услыхал, свернув за клуб:
«Выходи скорей, невеста!»—
Разносилось по селу...

Если копнам тесно в поле,
Свадьбы весело шумят.
Край чувашский, на приволье
Звонче ты поешь стократ.

И в простом твоём обличье
Взору каждому видны
Доблесть, слава и величье
Всей моей большой страны.

Наше счастье и богатство—
В воплощении идей
Равноправия и братства
Всех народов, сущих в ней.

Так цветы, страна родная,
Мира светоч и оплот!
Сноп тяжелый поднимая,
Урожай на ток идет.

Лейтесь, свадебные песни,
В городах и на селе!
Станет жизнь еще чудесней,
Краше, ярче, веселей.

В том порукой наша сила,
Что растет из года в год.
Будь же славен, край мой милый,
Вечно славься, мой народ!

1951

ТАНЯ

ПРОЛОГ

Вспомнил сказку я,
Сказку древнюю
Да про девушку
Про красавицу,
Что приходится
Солнцу дочерью:
Хевельби она
Прозывается.

Говорит молва:
Будто в древности
Люди равными
Почитались.
Миром, разумом
Солнце правило,
Одному ему
Поклонялися.

Вубор — ночи царь,
Повелитель тьмы—
Позавидовал
Солнцу ясному:
Всех задумал он
Покорить себе,
Как хозяину
Полновластному.

И схватилися
Солнце с Вубором,
Содргнулася
Вся вселенная.

Не стерпела тут
Хевельби душа—
На неравный бой
Вышла гневная.

Не перечило
Солнце дочери:
Пусть поратует,
Коль ей нравится.
Черный Вубор же
Прековарный был,—
Полонить сумел
Он красавицу.

К солнцу ясному
Дочь взмолилася:
«О, единое,
Свет творящее!
Ты мне батюшка,
Ты мне матушка,
Облегчи мои
Муки страшные...»

И услышало
Солнце мудрое,
И плеснуло тут
Молоко свое,
Испекло на нем
Хлеб для дочери,
Протянуло в тьму
На мольбу ее.

Лишь отведала
Хлеба девушка—
Заиграла в ней
Сила мощная.
«Нет, не страшно мне,—
Говорит она,—
Царство Вубора
Полуночное!»

И давай метать
Стрелы острые

И копьем колоть
Огнеокая.
Изрешѣтила
Тьму кромешную;
Вубор-чудище
Стонет, охает.

Но немалую
Силу черную
Сохранил еще
Царь извечной тьмы:
Это он на мир
Шлет туман и мглу,
Грозный гнев его
В нѣчи видим мы.

А молочный хлеб
Чудодейственный
Вдруг появится
В виде месяца.
И не звезды в ночь
Загораются,
То — от верных стрел
Дыры светятся.

И не молния
Блещет на небе—
Хевельби летит
С саблей, пикою.
Не зарница вдруг
Задрожит вдали—
Хевельби дарит
Мир улыбкою.

«И не долго уж,—
Говорит народ,
С черным Вубором
Солнцу маяться.
Близок, близок день:
Тьму поборет свет,
Хевельби не зря
Улыбается!»

С витрин и стен зовет плакат:
 «Ребята! Не Москва ль за нами?»
 Проходят тьмы и тьмы солдат,
 Стуча подковками о камень.

Татарин с русским, армянин
 С узбеком, белорус с грузином,
 Чуваш с таджиком... Как один,
 Идут в стремлении едином.

Великий испытанья час!
 Любовь и ненависть святая!
 На смертный бой отчизна нас
 Благословляет, к нам взывая:

«Сыны мои! Скорей, скорей!
 Забудьте страх, отбросьте жалость.
 Ко мне подкрался страшный змей,
 Протягивает к сердцу жало.

Я вам вручаю грозный меч,
 Отточен он в веках недаром:
 Дракону голову отсечь
 Должны вы яростным ударом».

Как будто ожил вдруг плакат:
 «Ребята! Не Москва ль за нами?»
 И, мнится, встал, шагая в ряд,
 Сам Лермонтов под наше знамя.

К столетью гибели своей
 Поднялся он живей живого.
 И никогда поэт родней
 Не чувствовал родного крова.

И как просторен этот дом!
 Как широка поэта слава!
 Какое мужество кругом,
 Как эта поступь величава!

Да, это те же племена,
 Он узнает шаги России.

В ней тот же дух Бородина—
Неукротимый, как стихия.

Спустилась ночь. И там, и тут
Прожектор режет тьму зарницей.
Идет поэт и с ним идут
Сибиряки и кабардинцы...

И всем понятен звонкий стих:
«Ребята! Не Москва ль за нами?»
И за сердце берет он их
Простыми, ясными словами.

Черна, как бурка, ночь; черны
Глаза глашатая-поэта...
Как никогда Москве верны
Народы всей страны Советов.

2

Дочь призналась по секрету
Матери в те дни:
— Я на фронт, но знать про это
Будем мы одни...

«Ты?!» Мать пристально взглянула,
Ослабела вдруг.
Отвернулась и вздохнула,
А в глазах испуг.

Перед ней дитя родное.
Крошка... И куда?!..
Меньше кажутся ей вдвое
Дочери года.

А вокруг — холодный, темный,
В грохоте мортир—
Содрогается огромный
Иступленный мир.

Сердцу матери больнее
Слышать вой сирен.
Но больней, страшней вдвойне ей
Чужеземный плен.

Как ни грустно, ни уныло
Ей в гнезде пустом,
Но птенец почуял силу
И взмахнул крылом:

— Не грусти, не надо, мама,
Это не беда.
Посмотри в глаза мне прямо
И скажи лишь: да.

Да, твоя у дочки в жилах
Негодует кровь.
Да, и гнев ты мой взрастила,
И мою любовь.

«Будь бесстрашной, честной, смелой!»—
Ты твердила мне.
Час настал: я смелость делом
Докажу стране.

Пусть мою проверит доблесть
Страшная гроза.
Пусть огня и стали отблеск
Озарит глаза.

Под столицей враг упрямый.
О, Москва моя!
Ведь москвичка же я, мама,
Комсомолка я!

До свиданья! Иль умру я,
Как герой в бою,
Иль героем ты живую
Встретишь дочь свою.

3

Стол, книги, синяя тетрадь...
Все так же, как в былые дни.
Пусть долго им хозяйку ждать,
Дождутся ведь ее они.

...Линейка, перья, карандаш...
Как будто в школу собралась.

Но разве словом передашь,
Чем каждый жил тогда из нас.

Шло лето. Плыли в синеве
Аэростаты на посты.
Прошла и осень, а в Москве
Еще не мало школ пустых.

Косили сено, жали рожь,
Картошку рыла детвора.
И Зоя, мокрая, сквозь дождь
Вернулась с поля лишь вчера.

Хлопот был полон целый день:
Зашла в райком, к друзьям—скорей.
Пораспросила — кто и где...
На фронт, на фронт хотелось ей.

Но труден бранный путь побед:
То смотрят — слишком молода,
Дают отеческий совет,
То снисходительнсе «мда!»

— Вас, может, в госпиталь? Вот тут...
Просили санитарок двух...
«Опять в тепло? Огять в уют?
Да разве нет у нас... старух?»

И Зоя вспомнила, что есть
Знакомый командир... К нему:
— Хочу я к партизанам... в лес...—
Призналась девушка ему.

— А не боитесь вы?— спросил
Военный осторожно.— «Нет».
— ...Ночь. Вы одна. Фашистский тыл...
«Я понимаю»— был ответ.

Взгляд пристален и чист, и прям.
Давно все взвешено, видать.
Заметил командир, но сам
Ей задает вопрос опять:

— А если схватят немцы вас?
«Я знаю: будут мучить, бить,
Мне будет больно... Но сейчас
И не могла б легко я жить.

Поверьте: я своих вовек
Не выдам, пусть умру от ран!»
Взглянул, поверил человек.
Родился новый партизан.

4

И вот собралась она в путь-дорогу,
А мать провожала, скрывая тревогу.

Сверкнула, как искра, в ресницах слеза,
И только забота застыла в глазах.

А дочери взоры, она замечает,
Так празднично, так вдохновенно сияют.

Как радостно быть восемнадцати лет,
И вызов судьбе посылать и привет!

Идет комсомолка и в сумрачном свете
Она вспоминает Бетховена, Гете,

Любимая песня у Зои была,
Она ее в книжку свою занесла:

«Гремят барабаны и флейты звучат,
Мой милый ведет за собою отряд...

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала б отчизну свою защищать.

Уж враг отступает пред нашим полком,
Какое блаженство быть храбрым бойцом!»

Мечтала о подвиге Зоя когда-то...
Так вот каковы этот шлем, эти латы!

...Ушанка да куртка, походный мешок,
Подножка трамвая, прощальный звонок.

Все сказано матерью дочери милой,
В глаза посмотрела и благословила.

Напутствовала и Москва свою дочь,
И осени поздней тревожная ночь.

И вслед вся Россия, казалось, махала
Ей флагом кремлевским, немеркнущим, алым.

Конец октября. Лишь неделя пройдет—
И Красная Площадь парад развернет.

Там будут не флейты, не бой барабанный,—
Железной ксгортой пройдут великаны:

Броня да моторы,— не латы и шлем,—
Победного духа не сломишь ничем.

В едином порыве пройдут миллионы,
И песня сама облетит все колонны:

«Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!»

5

Любила Пушкина она.
Душа ее, как хмелем ива,
Поэзией окружена
И все по-русски в ней красиво.

Когда ей Чехов стал знаком,
Она себе твердила страстно,
Что должен человек во всем
Быть безупречным и прекрасным.

И, мысли завершая круг,
В свою тетрадь, почти ликуя,
Она заносит: «Пусть умру,
Но без любви не поцелую!»

Такою, страх и смерть презрев,
На путь борьбы она вступает.
Любовь великая и гнев
Великий ею управляют.

«Отчизна! Что я без тебя?—
Сказала девушка спокойно,—
Тебя навек не полюбя,
Любви я буду недостойна.

Да, первая любовь — тебе,
А ненависть — врагу-злодею.
Пока он в прах не стерт в борьбе,
О счастье думать я не смею».

И как-то Зоя своего
Братишку Шурика спросила:
«Ты, Шурик, знаешь для чего
Живем мы все?» И пояснила:

«Цель жизни каждого из нас—
На благо нашего народа
Трудиться. Каждый день и час
Народу будет нами отдан».

...Мир Пушкина ей был родным.
Скажу, и ошибусь едва ли,
Что даже имя Таня с ним,
Конечно, с ним пришло вначале.

«Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
С ее холодною красою
Любила русскую зиму».

Не зная почему... О, нет!—
Прекрасно знала наша Таня,
За что любила с малых лет
Мороз и бури завыванья.

Да, знала Таня: солнце есть,
Что светит нам и в непогоду,
И солнце это — только здесь
И называется — Свобода.

Вот это солнце погасить
Задумал враг смертельный, лютый,

И черной паутины нить
Он тянет, чтоб лучи опутать.

За это солнце, чтоб и впредь
Оно отчизну нашу грело,
Идет на бой, на жизнь и смерть,
Красавица — дочь солнца — смело.

6

«Дорогая мама!
Как теперь ты там?
Не больна ли? Очень
Хочется мне к вам.
Мама! Хоть два слова
Напиши, прошу.
Выполню заданье—
Дома погощу...»

*

Короткое письмо.
Тревога и тоска.
А в книжке записной
Из «Гамлета» строка.

Волнуясь, трепеща,
Вписала в тишине
Слова: «Прощай, прощай!
И помни обо мне.»

Отряду путь лежит
Чрез линию огня.
Здесь страх не победит,
Здесь души из кремня.

Но искрою в кремне
Скрыт нежный пыл души:
Тот вспомнил о семье,
Здоровы ль малыши?

Та вспомнила подруг,
Любимого, друзей,
Учебу, мирный труд,
Экскурсию в музей...

У всех мечта была,
Как молодость, чиста.
И всех она звала
Творцами счастья стать.

Но далеко их дом,
Не пройден светлый путь.
Неправда! Мы пройдем,
Пройдем когда-нибудь.

Пусть книгу на столе
Не удалось дочесть.
Товарищ! Не жалей:
Прекрасней книги есть.

Есть в мире жизнь и смерть,
Есть мужество в бою,
И счастье — умереть
За родину свою...

Пусть не дописан твой
Последний стих, поэт, —
Стальным штыком его
Допишешь в дни побед.

И жить стиху тому,
Жить дольше всех стихов,
Хотя бы потому,
Что к смерти он готов.

*

«Прощай, прощай!..» И с кем
Прощается она?
К кому в такой тоске
Душа обращена?

И что тебя там ждет
Во вражеском аду?
Так спросит даже тот,
В ком богатырский дух.

Но клятвы не забыть,
Она и в смертный час

Любовью будет жить
И ненавистью в нас.

Так! Малодушных прочь!
Нам воля дорога...
С рассветом или в ночь,
Сегодня ж — в тыл врага...

7

От махорки дыма кольца
Видят белки по утрам.
Партизанят комсомольцы
По немецким по тылам.

Что за край! Лесной, болотный,
Он встает перед тобой,
Словно Шишкина полотна,
С первозданною красой.

Ели, сосны и березы,
Беспросветный бурелом.
Лес шумит... Какие грезы
Будит в сердце он твоём?

Этот шум не раз ты слушал,
Думал: понял навсегда.
Но иною песней душу
Тронул в эти он года.

Может, есть прекрасней наших
В этом мире угалки,
Но тебе милее пашни
Вдоль родной Москва-реки.

Этот воздух, небо это,
Грозовые облака
Вспоминал везде, везде ты
И брала тебя тоска.

Всюду русское, родное!
Пусть печаль — она светла;
Чистой пушкинской строкою
Тихо в нас она жила.

Всюду русское, родное!
Но теперь осквернено—
Ненавистною ордою
Опоганено оно.

И острее ты замечаешь,
Как красив твой край родной.
По-иному понимаешь
Ветра вой и шум лесной:

«Вражьей силе никогда я,
Ни за что не покорюсь!»
Лес поет. И так родная
Пела взвихренная Русь.

*

Темный бор и снег хрустящий.
Партизаны там и тут.
Днем костер разводят в чаще,
Соловьиным сном вздремнут.

Ночью — жаркая работа.
Лес родимый! Приюти,
Скрой получше от врагов ты
Наши тропочки-пути.

Лес скрывает, помогает,
Не уйти врагу от бед.
Но коварна волчья стая,
Может вдруг напасть на след.

Рыщет вражья сила, ищет,
Лес сжигая и валя.
Над деревней розга свищет
И качается петля...

Лес шумит протяжно, звонко,
Ветер с веток сыплет снег.
Смуглолицая девчонка
Прислоняется к сосне.

Языки костра немые,
А вокруг — молчат друзья.
Все усталые, худые,
Вся подвижников семья.

Рюкзаки пусты. Все съели.
Хлеба было на пять дней.
Продержались две недели—
До последних сухарей.

Разделили все по-братски.
Все до крошки. И пора,
Говорят, к своим пробраться.
Решено еще вчера.

«Хорошо,— сказала тихо
Смуглолицая,— но я
(Пусть никто не вспомнит лихом)
Я б осталась тут, друзья.

Дайте мне еще задание.
Знаю, чувствую: в долгу...
И намеченное здание
Я в деревне подожгу...

Ну, а если жертвой кто-то
Должен быть из нас, так пусть...
За мою краснеть работу
Не придется вам, клянусь!»

Кобуру поправив, встала,
Выросла перед костром.
Лес молчал, и все молчало,
Каждый думал о своем.

Загорался отблеск красный!
На лице ее и гас.
До чего была прекрасна
Наша Таня в этот час!

8

Зима. Мороз и автоматы
Трещат в глуши то здесь, то там.
И, равнодушная когда-то,
Природа помогает нам.

И хочется быть благодарным
Ей за метель, за ветер злой.

Лишь по врагу б мороз ударил,
А мы — перенесем любой.

Мы стерпим холод, голод, боли
Во имя жизни и борьбы.
Еще по букварю мы в школе
Твердили все: «Мы не рабы!»

Мы жить хотим, а жизни нету:
Чужая власть, надзор чужой.
Захватчик, враг добра и света,
Как черный морок над душой.

Он грабит, жжет, казнит, пытается.
В деревне смех детей исчез.
А старики о тех мечтают,
Чей след скрывает темный лес...

Молчат развесистые сосны,
Молчат глубокие снега.
Как грозный заговор, несносно
Молчанье это для врага.

И враг жить хочет: на зимовку
Залег в берлоге, как медведь.
А тут — вставай, бери винтовку.
Да в лес, да в оба чтоб глядеть.

Ему бы лазить по насестам,
Насиловать и пить, потом
Во все концы писать «невестам»:
«Москве капут, а мы живем!»

Но есть страшнее бомбы слово,
Есть невидимка-партизан.
Один попался — десять новых
Уж где-то образует стан.

Там взорваны автомобили,
А здесь конюшня сожжена,
Тут офицера вдруг убили...
Кто? Как? — Молчанье. Тишина.

Эсесовцы, на всякий случай,
Прикончили двоих-троих.
Но темный лес уже подслушал,
Он месть готовит за своих.

Все ближе, ближе час расплаты,
Сторицей враг заплатит нам...
Зима. Мороз и автоматы
Трещат в глуши то здесь, то там...

*

Смеркалось. В чаще над землянкой
Клубился пар. Из-под ветвей
Поднялся человек в ушанке,
Прислушался — и в путь скорей.

Его обдал холодный воздух,
Мороз крепчает и бодрит.
Вонзились в небо стрелы-звезды,
Луна висит, как медный щит.

Тропа ведет обрыва кромкой,
Кустарником и полем... Снег
Хрустит под валенками громко.
Насторожился человек.

С оглядкою, нагнувшись, боком,
Упрямо он идет вперед,
И кружевом белеет легким
На шапке инея налет.

А под полою полушубка
Проходит ветер по ногам.
Висит на человеке сумка,
В руке сжимает он наган.

Луна зашла. Перед глазами
Строенья вырастают вдруг.
Деревня. Избы... Путник замер,
Он слышит сердца каждый стук.

С минуту постоял на месте,
Вперяя взор в ночную мглу.

Паленым пахнет. Запах шерсти,
И где-то подгорает лук.

«Опаливает поросенка
Иль жарит кур любитель фриц...»
Гнев искрою сверкнул в потемках
У путника из-под ресниц.

Идет. Чернеют бревна. Те ли?..
Да, он заметил их... И вот
Он у забора, он у цели;
Наган за пазуху сует...

Бутылку достает быстрее.
Шуршит соломой. Льет бензин...
Нагнулся он,дохнуть не смея.
Одну лишь спичку... миг один...

Но сзади в этот час подкрался
К нему немецкий часовой.
Рванулся человек, поднялся,
Наган выхватывая свой.

Но выстрел не успел раздаться,—
Оружье выбито из рук.
Тревога. Кинулись солдаты.
Сомкнулся ненавистный круг.

9

Привели в комендатуру.
Кто же этот человек?
Офицеры смотрят хмуро
Из-под жирных, вялых век.

Перед ними вырастает,
Высока, смугла, стройна
Наша девушка простая,
Молодая, как весна.

Тает иней на ресницах,
Загораются глаза.
— Маскарад иль все мне снится?—
Обер-лейтенант сказал.

Засмеялись. Скупо. Сухо.
И, пока на стол кладет
Часовой наган и сумку,
Офицер кривит свой рот:

— Очень, очень рады встрече
С вами, с русской Жанной д'Арк.
Ждем мы вас не первый вечер...
Вы сожгли наш конный парк?

«Я!» У девушки не дрогнул
Даже мускул на лице.
— Вашей искренностью тронут,—
Продолжает офицер.—

И давно в лесу живете?
И давно вы партизан?
Кто коллеги по работе?
Сколько их и где их стан?

«Не скажу!»— отрезал твердо
Голос звонкий. Офицер
Позабыл и смех и гордость,
Стал он сумрачен и сер.

Приказал хозяйке:— В кухню!—
Запер дверь. И вот она
В окруженьи немцев пухлых
Очутилася одна.

Палачи ее раздели,
Положили на скамью,
И ремни над ней запели
Песню дикую свою.

Но ни слова не подслушал
Кто приник в тот час к стене.
Лишь одно — все глуше, глуше:
«Не скажу. Не знаю. Нет...»

С непокрытой головой,
Наведя ружье,

Вдоль по улице ночной
Новели ее.

А мороз сердитый, злой,
Вьюги вой кругом.
Постучался часовой,
Ввел в какой-то дом.

Подкосились ноги. Но
Поднялась. Глядят:
— Партизанка? Ждем давно!—
Говорит солдат.

Чиркнул спичкой. Словно щель,
Сузились глаза.
Тычет.— Жжется? Неужель?
Что же нам сказать?

Мы пожар припомним твой!
Ты нас жгла вдвойне.—
И проводит он пилой
По ее спине.

Закусила губы в кровь:
Только б не стонать.
Рухнула. Очнулась вновь.
Просит пить подать.

С печки слез, кряхтя, старик,
Русский человек;
Шел к кадушке,— сиплый крик
Путь ему пресек:

— Тоже палок захотел?!—
Встал тут часовой.—
Уберись, куда цел!—
Отпихнул ногой.

— Так и быть уж, не морись,
Пей, не жалко, пей...—
И поднес какой-то фриц
Керосину ей.

Тут глаза ее зажег
Сразу гнев такой,
Что забыть его б не мог
Человек с душой.

Но бездушен автомат.
Если б стон и плач,
И рыданье — был бы рад,
Кажется, палач.

Ни отчаянья, ни слез.
Фриц винтовку взял,
Босиком ей на мороз
Выйти приказал.

Он водил ее, пока
Сам весь не продрог
И «помог» концом штыка
Перейти порог.

Наконец сменен злодей.
Два часа. Все спят.
И прилечь на лавку ей
Разрешил солдат.

Но хозяйка — та не спит,
Нет у старой сна.
— Чья ты будешь? — говорит
Девушке она.

«Я москвичка. А зовут
Танею меня».
— А родители... живут?
Где твоя семья?..

11

Ты ли это, Таня?
Кто, как мать любя,
В очи лишь заглянет—
И поймет тебя?

И кому поверить
В этот страшный час?
Даже стены, двери
Слушают здесь нас.

Все мученья молча
Ты терпеть должна.
Давит, давит ночи
Злая тишина...

Кто мне перескажет,
Что́ в ту ночь без сна
Думала под стражей,
Таня, ты одна?

Кто откроет, что́ ты
Видела в ту ночь,
Боль свою дремотой
Сиясь превозмочь?

Видела ты, знаю,
Как из века в век
Креп, душой мужая,
Русский человек.

Вот Иван Сусанин
В изголовье встал.
«Ты ли это, Таня?»—
Скорбно прошептал.

Вот и старостиха
Василиса здесь.
Закручинясь, тихо
Напевает песнь.

Ты ли, Таня, Зоя?
Сколько их — подруг
И друзей, грозю
Поднятых вокруг?

Сколько смелых следом
За тобой идут!
Только не об этом
Думается тут...

12

Сквозь заклеенные стекла
Брежит синий свет.
— Ой, касатка! Чай, продрогла...
Да и сна, чай, нет...—

И старушка слезла с печи,
Шепчет:— Не спала?
Знать, и в позапрошлый вечер
Это ты была?

«Я... Сгорели немцы?»— Нету,
Только кони их.
Да машинам, слышно, где-то
Был урон велик.

Где-то склад с оружием тоже
Вспыхнул, говорят...—
Таня слушала и строже
Становился взгляд.

«О, такой раздуть пожар бы
В вражьей стороне,
Чтобы все они, как жабы,
Лопнули в огне!

Чтобы выкурить их дымом,
Как из нор кротов;
Каждый холм непроходимым
Сделать, каждый ров...

Как нелепо я попалась!
Как мне жаль, что я
В жизни сделала так мало
Родина моя!

Чуда нет, не будет, знаю,
Знала наперед.

Помоги, страна родная,
Помоги, народ!

Помоги пройти достойней
Мне последний путь.
Боль мучений успокой мне..
Вспомни... Не забудь...»

13

Вошел офицер. Вновь допрос:
— Скажите мне, кто вы? Прошу
Без позы, без маски. Всерьез..
За искренность все вам прощу.—

Коверкая русскую речь,
Он девушке смотрит в глаза:
— Да, можете жизнь вы сберечь,
Лишь стоит вам правду сказать.

Кто с вами и сколько и где?
Вот все, что я требую с вас.
— Нас много. Мы всюду. Везде.
Считают миллионами нас!—

Вскочил офицер, оглушен
Пощечиной слов, зашагал;
Вдруг крикнул хозяевам: «Вон!»—
Рукою на дверь указал.

И снова пытаются ее,
И снова ременная плеть
Свистит, извиваясь змеей,
Не в силах сломить, одолеть...

Ну что за душа! Из чего
Терпенье и воля выросли?
Устал истязатель. И вот
Одежду ее принесли.

Чулки, шаровары, жакет,
Походный мешок вещевой.
Но куртки и валенок нет
Нет шапки ее меховой.

С той шапки дежурный сорвал
Звезду в комендантской, и вдруг
Он след от звезды увидал
Со ржавчиной легкой вокруг.

Подумалось: так никогда
Еще не алела звезда...
И вздрогнул фашистский солдат
От ужаса, не от стыда.

Косясь, он неверной рукой
Напялил ушанку, как мог;
В углу мерил куртку второй,
А третий — разрезал сапог...

Взамен принесли жалкий скарб—
Залапанных кучку вещей.
Хозяев ввели, обыскав.
Одеться приказано ей.

Старушка, вздохнув, помогла
Натягивать Зое чулки,
И долго отнять не могла
Заботливо-нежной руки.

Нет-нет да и, слезы смахнув,
Погладит родная рука.
А немец глядит, не моргнув,
Торжественен, как истукан.

Но окрик — послушный болван
Повесил ей доску на грудь.
И надпись на ней: «Партизан».
О, Зоя! Куда же твой путь?

14

Мороз суровый. Спозаранок
Стучится староста в окно:
«Все, все на площадь! Партизана
Казнить сегодня решено».

А виселица в ночь готова.
Селяне, головы склонив,

Подходят — и ни с кем ни слова,
В глазах их мрачные огни.

Иные, постояв, тихонько
Домой сумели повернуть:
Не видеть, не глядеть бы только,
И так ни охнуть, ни вздохнуть.

Фашистов много: офицеры,
Солдаты — чтобы каждый вник.
Невольно жмутся изуверы,
И бледен вешатель-мясник.

И конных — больше эскадрона:
Гарцуют — сабли наголо,
Довольные, что так «покорно»
Полусожженное село.

Для них как будто праздник светлый,
Но праздник ли? В глазах испуг.
Известно им: огонь из пепла
Нередко вспыхивает вдруг...

«Ведут...» Как вздох, пронесся глухо
Невольный ропот над толпой.
Соседке говорит старуха:
«Молоденькая!.. Боже мой!»

На солнце декабря смотрела,
Как в первый раз и, вся светла,
В одних чулках, ступая смело,
В бессмертье комсомолка шла.

О, жизни! Прощального значенья
Миг каждый полон для нее.
Пошли ей, родина, терпенье
Во имя вечное твое.

«Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
С ее холодной красою
Любила русскую зиму.»

А Зоя-Таня знала, знала,
За что любить и синий снег,
И солнце зимнее, что встало
Навстречу ей — живой весне.

Толпа заколыхалась. Вводят.
И, взор свой устремив вперед,
Прекрасная навек, проходит
Отчизны дочь на эшафот.

Не в снах, не в книге. Настоящий—
Петля пеньковая крепка.
Ее поставили на ящик,
Вкруг шеи обвилась пенька.

Палач готов. Ждет только жеста.
Но комендант застыл: пред ним
Фотограф юркий ищет место.
И Таня крикнула своим...

Рука в перчатке замахнулась,
Фашист хотел ей рот зажать.
Но Таня руку оттолкнула
И голос громко стал звучать.

«...Я смерти не боюсь. Не страшно
За свой народ мне умирать...»
Палач глядит подобострастно
На коменданта: «Сколько ждать?»

Махнул фотографу рукою
И крикнул комендант: «Кончай!»
Тут резко повернулась Зоя,
Сверкнув глазами, к палачам:

«Сейчас повешана я буду,
Но помните: я не одна.
Мои друзья везде и всюду,
Со мною вся моя страна.

Нас двести миллионов, знайте,
И вам не перевешать всех.
Солдаты! Образумьтесь, сдайтесь.
Не пощадит вас русский снег!

Победа все равно за нами,
За жизнь мою вам отомстят.
Оно бессмертно, наше знамя,
Для тех, кто солнцу жизни рад!»

А люди русские стояли
И молча плакали, боясь,
Чтоб их сочувствие, печаль их
Не увидала вражья власть.

Палач поддернул, свирепея.
Но Зоя вдруг приподнялась,
Ослабила петлю на шее
И крикнула в последний раз:

«Смелей, товарищи! Боритесь!
Родная армия придет!...»
И кованный сапог арийца
По ящичку с размаху бьет.

Перевернулся ящик. Хрустнул
Снег плотный. Охнула толпа.
Раздался вопль и, эхом грустно
Негромко повторен, пропал...

15

Вот прошел и день, вот и ночь прошла—
Тело девушки все качается.
Порошит снежок и, пышна, бела,
Шубка новая на страдалице.

Следом ветер мчит неприкаянный,
Раздевает он вновь несчастную.
Так висит она, вся измаяна,
В ясный день висит, в ночь ненастную.

Время занято сменой дней, ночей,
И неделя вновь им отсчитана.
Только девушке на земле своей
Не лежать еще, все висит она.

Осыпает снег, леденит мороз,
Ветер рвет ее и качает злой.

Только чудится — хор печальных звезд
Ропщет на́ небе в тишине ночной.

Ропщет звездный хор, и поет звезда:
«Ветер, будь ей друг, ты сними ее,
Спеленай снежком и умчи туда,
Где бессмертие обретет свое.

Где заботою обо всем и всех
Бьется нежное сердце родины;
Где никто, никто не забыт из тех,
С кем пути побед были пройдены...»

Но проходят дни, мчатся ночи вслед,
Месяц весь прошел с грустью черною.
Что же хочет враг, и какой ответ
Ждет от девушки непокорной он?

По селу идет часть немецкая—
Недостойные званья воина,
С диким гоготом фрицы мерзкие
Тычут палками в тело Зоино.

А идут свои люди русские—
Низко головы опускаются.
Сердцу горестно, очи тусклые
Думой тайною загораются.

И живут мечтой все единою
Да заветною — отомстить бы как.
Веря в близкое диво дивное,
Веря в светлый час. Гнев молчит пока.

День за днем идет, ночь за ночью—вслед.
Декабрю конец, завтра Новый год.
Ну, а нынче вот, под сивушный бред,
Пьяных немцев сброд по селу бредет...

Налетели вдруг стаей воронов,
Поглумилися над повешенной.
Платье с девушки было сорвано
И затоптано в злости бешеной.

Так еще она провисела день,
Вся изрезана, вся исколота.
Мир, гляди, смотри! Траур, мир, надень,
С болью в ней узнай свою молодость.

Только вечером комендант отдал
Приказание снять покойницу.
На санях ее повезли тогда,
Непокрытую, за околицу.

Там береза есть одинокая
И не думала, не ждала она,
Что такое вот горе горькое
Ляжет около, неоплаканно,

В яме узенькой, тайно вырытой,
Похоронена под лопаты звон.
Лишь одно в уме, знать, у иродов:
«Только б сгинул след...» Да не сгинул он!..

16

Насыпь свежая замерзла,
Вмиг заледенела.
Караул несет береза
Белая, вся в белом.

Замела могилу выюга.
Кто в ней?—Неизвестно.
Но береза, как подруга
Верная, ни с места.

Знает грустная: не вечно
Будет снег да стужа.
Ей не раз еще беспечный
Птичий гомон слушать.

И сама она призывней
Зашумит листвою,
Чтоб поведать всем, что ныне
Видела с тоскою...

Так береза размечталась
Под одеждой зимней,

На ветру она склонялась,
Осыпала иней.

Только ближе шум и громче,—
Ветра ли то шелест?
Нет, то пушек гром грохочет,
Стаи пуль распелись.

Саранчой серо-зеленой
Полям, по оврагу,
По лесной трущобе темной
Дали немцы тягу.

Есть дорога, нет дороги—
По задам, сугробам
Потянулись сани, дроги
И машины скопом.

Вязнут кони, вязнут люди,
Глохнут вдруг моторы...
Ждет деревня: что-то будет,
Что-то будет скоро!

И пришла, вернулась сила—
Армия родная.
Краснозвездная настигла
Ворогов, карая.

Точно гром небесный грянул
В зимнем Подмоскowie.
Враг не выдержал, отпрянул,
Истекая кровью.

Путь в Москву ему заказан!
Бой был беспощаден.
И не слышно больше баса
Гаубиц-громадин...

Тишина. В деревне чисто.
Только снег окрашен
Кровью черною фашистов,
Но мертвец не страшен.

И приходят к разоренным
Очагам селяне.
Смотрят, стынут молча, словно
Знали все заране.

По дорогам и по тропкам
Тянутся салазки.
Ребятишки жмутся робко
И глядят с опаской.

И выходят партизаны,
Были вспоминают:
Кто и где, и чем был занят...
Имена всплывают...

Рассказали про Танюшу
Горестную повесть,
И запало имя в душу—
Чистое, как совесть.

Вышли люди за деревню,
Подошли к могиле
И земным поклоном древним
Девушку почтили:

«Пусть тебе земля родная
Будет пухом нежным.
Месть народная, святая
Грянет неизбежно!..»

И густой покрыли хвоей
Холм едва приметный.
А народ о Тане-Зое
Создавал легенды.

Холм вставал горой высокой,
Что ни день — то выше;
Стал он виден издалека
Всем, кто правдой дышит.

Птицей-соколом взлетела
На вершину слава;

Алым знаменем горела
Гордо, величаво.

Клятвой мести имя Тани
Стало нам простое,
И вовеки не увянет
Имя жизни — Зоя.

Проходя на запад дальше
Этою деревней,
Может, станут части наши
Здесь порой вечерней.

Подойдут к березе мирной
Воины, как надо.
Снимут шапки командиры,
Снимут и солдаты.

И спасибо скажут верной
Дочери советской—
И юнец в шинели первой,
И сержант гвардейский.

И спасибо скажет ротный
С боевой сноровкой,
И седой комдив добротной
Перекопской ковки.

И светить нам солнце наше
Век не перестанет.
Будет день — спасибо скажет
Вся отчизна Тане.

1942. Апрель.

ТЕРЛЕМЕС В ЯБЛОНЯХ

І. В ТЕЛЕГЕ

В лугах июльских изумрудных
Ярился зной, траву измаяв.
Со мной в телеге ехал спутник,
Архива нашего сотрудник,
Скромнейший Павел Ермолаев,
И в нем же (выдам я секрет)
Скрывался Иленьгей, поэт.

«Вперед! Не сетуй на судьбу.
Лошадка со звездой на лбу!
Ты что плетешься еле-еле?
Иль позабыла про овес,
Иль конюх утром встал с похмелья,—
Зачем позоришь свой колхоз?»

А ну, пегашка, подбодрись,
Да покажи приезжим рысь.
Но-но! Вперед! Легка дорога.
Вон твой овес растет, спеша,—
И стебель толще камыша,
И зерна все крупней гороха.

Мотай, пегашка, головой!
Твой пассажир не так уж прост.
Он — песенник, он парень свой,
И с ним товарищ деловой.
Потрафим — вспомнят нас с тобой...
Ай-ай! Зачем задрала хвост?
Иль ты считаешь людям знатным
Глядеть на это так приятно?

Прикрой же, глупенькая, срам!
Вперед! Осталось полдороги.
А добрый человек нестрогий,
Глядишь, прибавит на сто грамм.

Давно б, земляк, вам не мешало
Взглянуть на зелень наших сел,
Чем петь о черных покрывалах...¹
Вперед, пегашка! Дождь пошел!

Чем тут помочь своим друзьям?
Возьмите, нате-ка азиям!
За скорость, граждане, за смех
И угостить меня не грех!»

*

Возница говорил с лошадкой.
В телеге сидя, трясяся я,
Лежал, потягивался сладко;
Курилась пылью колея.
Луга, поля, речушки, лес...
Я направлялся в Терлемес.

Наверно, думал Ермолаев,
Вернее — Иленьгей: «Как быть?
Свободно ль петь, архив оставив,
Иль пыль на полочках копить?»

Но могут вместе жить, не ссорясь,
И папки «дел», и звуков рой...
Работай, вдохновляйся, пой,
Мой друг, безвестный стихотворец!

2. СОЛДАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Тут небо спокойно, как омут...
Давно ли здесь бой грохотал?
Чего только люди не помнят,
Кто эти поля не топтал!

---

¹ Намек на стихи автора «Черная чадра».

Хозяином к станции белой
Спешит паровоз в добрый час...
Вокзал разбивали обстрелом
И строили снова не раз.

Замолкли жестокие грозы,
Спокойно живет Терлемес...
О чем же лепечут березы?
Кого же скрывал этот лес?

Не хочется мне ошибиться:
Всю правду о прошлом храня,
Я слово даю очевидцам—
Пускай говорят за меня.

*

Тут год восемнадцатый видел
Знакомый мой старый учитель;
О белых, о нашем враге,
Рассказывал он, Каринье:

«Свобода была под угрозой,
Тревожно шумели березы...
А яблоч в тот год уродилось—
Не съесть! Вся округа гордилась!
В Успенье звонили к обедне,
Раскатисто колокол пел;
Сады тяжелели, и бедный
В День Яблоч антоновку ел.
Я чай пил в саду за столом,
А солнце так мирно сияло;
И вдруг в стороне, у вокзала,
Послышался пушечный гром.
Хранил я брошюры, газеты,
И книги берег, и декреты.
Как быть? Чай во рту леденел,
И сам я, видать, побледнел.
Смотрю на жену, на детей:
— Бегите туда, за гумно!—
Я книги зарыл поскорей,
И к тракту задами, к Москве,
К народу, с людьми заодно.

Бегу напрямки, по траве,
А в поле скотина ревет;
Перины, посуда, возы;
Народу-то сколько! Вперед
Бегут земляки от грозы.
Остались в тот день, говорят,
Лишь старый да малый в селе...
Вблизи пролетает снаряд,
Повозки прижались к земле.
Качается шапками дым
Над нами, под небом родным.
Подпаски — команда босая —
Скорей на коней, врассыпную...
И тут же, весь мир сотрясая,
На воздух взлетел эшелон.
Померк, словно в пору ночную,
В горячем дыму перегон.
Ни щепки не сыщешь! А оси
С откоса катились, дымясь...
Осталось в живых двадцать восемь
Бойцов за советскую власть.
Когда беляков отогнали, —
Нашли мы бойцов, не узнали.
Попались товарищи в плен:
Отрублены руки по локти,
И ноги — до самых колен.
В грудь пули вонзались, как ногги.
Иных раскрошили на ломти.
Кровавые звезды на лбах,
И кровь на лице, на губах...
Их ночью вели на обрыв,
Неслышанным было мученье...
Лежали, глаза не закрыв,
Живых призывая к отмищенью.
Мы все здесь бойцов поминаем
Октябрьскими днями, и в мае,
И в праздник республики нашей.
Тут лесу зеленому цвести
Все гуще, все радостней, краше...
Солдатское кладбище здесь».

*

Пел я песню, где Каспий кипел,
Двадцать шесть комиссаров воспел...

Ах, страна моя, труден твой путь!
След кровавый — на тропке любой;
Каждый лес многолистной гурьбой
Шелестит:— И меня не забудь!—

Двадцать шесть вожаков из Баку!
Тут, как вы, не сдаваясь врагу,
Двадцать восемь в могилу легли.
У могилы в раздумье стоим.
Слава им, хлеборобам простым,
Сыновьям Терлемесской земли!

Тракт Московский пролег за селом,
Тут сразились два стана в былом.
Терлемес! На кого ты взглянул?
Чей же цвет полюбился тебе?
Красным стал ты в тяжелой борьбе,
Беляков от Москвы отпугнул!

Двадцать восемь нашли здесь приют;
На могиле ромашки цветут.
Сколько в мире безвестных могил!
Пусть людей вдохновляют простых
Муки, мужество, подвиги их,
Кто свободу, Москву защитил!

Двадцать восемь! Вам песня моя!
Ваш приют,— это чувствую я,—
Не закроет забвеньем травой!
С нами вы, с нами вы навсегда!
Сберегут, пронесут сквозь года
Поколенья ваш облик живой.

3. ГОВОРIT МАЙРАБИ

Красивыми словами не блистая,
Лишь ради правды стих пришел на свет...
Рассказывает Майраби, простая
Крестьянка, мать, шестидесяти лет:

«Постой-ка... Жарко было... Все ушли—
Кто за орехами, кто за малиной,
Кто просто к лесу побежал долиной,
Услышав залпы... Гром гремел вдали.

Все приближался... Тут я вышла в сад;
Смотрю — с плетня свалился к нам солдат.
— Спаси меня, укрой скорей, мамаша!—
Мне говорит нездешний, но родной.
А сам руками быстро-быстро машет;
Понятно: дескать, гонятся за мной.

До пояса бедняга гол, разутый,
Кровь по спине сбегает, по плечу.
Язык перевязали мне как будто—
Ни слова не могу сказать, молчу.

Все думаю: быть может, сын мой смелый
Забрел, изранен, так же в чей-то сад...
Сурбан¹ я с головы сорвала белый,
Перевязала рану, как умела,
И яблочко дала:— Поешь, солдат!—

— А нет ли погреба?— И погреб есть!—
Едва сказала, слышу — скачут кони.
Нет! Не найти вам раненого здесь.
Он в коноплю метнулся от погони!

Смотрю—чужие ломятся в ворота.
— Хозяин дома? Эй, открой скорей!—
Видать, что ищут всадники кого-то.
Один сказал мне: —Тетка, не робей!
Где красные, скажи-ка нам?— Неясно,
Как на вопрос ответить главарю.
Не знаю: то ли белый, то ли красный...
— Одна я тут, ребята!— говорю.

И светлоплечий погрозил мне плеткой:
— Смотри, не ври, мы разберемся, тетка!—
Тут всадники на лошадях буланых
Помчались мимо сада в коноплянник.
Один из них догнал того солдата,
Срубил бедняге голову, проклятый!
Латыш погибший, люди говорят,
Хотел пробраться лесом в свой отряд.

Тут шел тропинкой, бледный, весь в крови;
Тут положил он девочке одной

---

¹ Сурбан — головной убор замужней чувашки.

Свой сахар в туюсок берестяной...
Вон девочка та косит—Угахви».

*

Луга, что стелются коврами,
Бессильны перед косарями;
Побреют косы влажный дол,
И станет луг росистый гол.

Тяжелым зноем не примят
Цветов погибших аромат:
Чем ближе вечер, тем сильней
Тот запах радует людей.

Бригада вроде не устала,
Мать Майраби моложе стала.
И словно все твердит здесь ей:
— Живи, родная, не старей!—

В лугах вечерних — солнца пряди,
Да космы трав, промытых, свежих...
Старуха все сидит, не глядя
На пепел черных головешек;

Сидит, не вытирая пота,
Что выступил из-под сурбана;
Сидит и ждет конца работы,—
Сегодня люди встали рано.

Как статуя, сидит в молчанье,
Так терпелива, так добра...
Сейчас она на солнце взглянет
И скажет:— Ужинать пора!—

И чем румяней, краше лица
Счастливых девушек, парней,
Тем чаще путь суровый снится,
Тем ярче свет родных огней.

Ребенка приласкал солдат...
Пятнадцать лет тому назад

Прогнали белых... Пой, живи,
Трудись умело, Угахви!
Коси в лугах густые травы,
Гражданка солнечной державы!

Кусочек сахара — паек,
Что отдал девочке латыш,
Красноармеец тот, стрелок,
И труд, и луговая тишь—
Все — безраздельно, все — одно!
Всю жизнь мне славить суждено!

4. ГОСТИ БОГАТЫХ

Станция — в щепки. Народ — за селом.
Скачут вояки на пир напролом.
Пили с попом, разбрелись по селу;
Знамя трехцветное в красном углу.
Пили, орали в кулацком дому—
Стены качались в угарном дыму.
Сам офицер гоготал, словно гусь:
— Выпьем, друзья, за великую Русь!
Пей же, хозяин, купайся в вине,
На ночь найди черноглазую мне!—
Сдернута скатерть, посуда вся—прочь.
— Где же твоя перезрелая дочь?
Где она, яблоня в пышном цвету?
Девичьи косы я сам расплету!—
«Ухарь купец, ухарь купец,
Ухарь купец — удалой молодец!»
Станция — в щепки. Народ — за селом...
Мчатся назад беляки. Поделом!

*

Из-под Свяжска гнали белых,
Клинками перерезав путь...
Село судачило, шумело,
Все вспоминало эту жуть.

5. БАЛЛАДА О ДЕНЕЖНОМ СУНДУКЕ

Всадником, слитым с тяжелым конем,
Век он сидел на богатстве своем;

Ночи просиживал на сундуке.
— Добрые боги, Хиртсурт, Пигамбар!
Свято храните мой дом, мой амбар!—
Ныл тот хозяин в своем уголке.

— Старый слепец и собаке своей
Горсточки лишней не даст отрубей!—
Так на селе говорили о нем.
— Режь ему палец — скупец богатей
Капли не выпустит крови своей!
В зиму не выпросишь миски со льдом!—

Он породнился с яичным купцом.
Корочку ел он с протухшим яйцом,
Чтобы скопить и червонцы, и рожь.
Бедного он разучился жалеть:
— Лодырь!— корил он,— ступай в мою клеть!
На! Только мне десятину сожнешь!—

Всадником, слитым с тяжелым конем,
Век он сидел на богатстве своем;
Шорох пугал старика, словно гром.
Желтыми пальцами высохших рук,
Он, как ребенка, ласкал свой сундук;
Трясся годами над грузным добром.

Семеро конных летели селом,
Громко крича:— Где купеческий дом?—
Все разбежались от войска того.
Семеро конных быстрее понеслись,
Спешились, в дом богача ворвались.
— Воры!— подумал слепец.— Кто кого?!—

Взял он в бескровные руки косу,
Слушает, словно охотник в лесу.
Крикнули грозно ему:— Руки вверх!—
Вроде прозрел богатей Убамзар...
Древние боги, Хиртсурт, Пигамбар!
Вы не спасли его,— мир весь померк.

*

Позже, когда после долгой войны
Стали селенья от флагов красны,

Песню разгульную пьяных повес
Так переделал, запел Терлемес:
— Сукар¹ купец, старый слепец,
Не убежал никуда под конец!
Надо ли белых сюда было звать,
С ними, убийцами, пить-пировать!

6. ТЕРЛЕМЕС В ЯБЛОНЯХ

Терлемес! Сады, сады, сады!
Яблонь, вишен за домами — тьма!
Отдыхать бы, кушать здесь плоды—
Вот и дача, чуть не задарма.

Сами в каждом доме хлеб пекут,
Есть коровы, есть бараны тут.
Туфли тут проносишь год и два,—
Тротуаров нет, кругом трава.

Просыпайся вместе с солнцем, встань,
Поработай всласть в такую рань!
Улы тут пузатые гурьбой,
Мед цветочный, липовый — любой!

А несучки квохчут:— Куд-куда
Купчики девались навсегда?—
Тетки ходят, платьями шурша:
— И без них торговля хороша!—

Дерушки склонились над холстом,
Шутят, колотушками стуча:
— Мягким, белым станешь ты потом,
Краше полотенец богача!—

Может быть, они вернутся вспять
К нам на шею, злобою горя?
Яйца им по селам не скупать!
Здесь иная занялась заря.

По-иному тут шумят дубы,
Вторая песням радостной судьбы.

---

¹ Сукар — слепой.

Хоть голодным волком, враг, завой,—
Победил везде колхозный строй.

— Эй, подружки, бейте холст дружней:
Быть рубашкам на плечах парней!
Шире круг! А ну, Клавье, спляши!
Чем же мы с тобой не хороши?—

Тут — любовь и дружба, и труды;
Утопает в яблонях село...
Терлемес! Сады, сады, сады,—
Это счастье наше расцвело!

*

А небо спокойно, как омут...
Давно ли здесь бой грохотал?
Чего только люди не помнят,
Кто эти поля не топтал!

Пыхтит паровоз на увале,
Дубы поднялись до небес...
Кого только здесь не видали!
Кого не скрывал этот лес!

1933

МАГНИТ-ГОРА

Спорят художники и поэты,
спорят
    десятки лет,
какой применять им
    стиль и метод,
чтоб дать эпохи портрет?
Море времени
    брызжет пеной...
Кто в бурях
    останется цел?
Мы сутки готовы дежурить
    бессменно,
лишь только б
    корабль уцелел.
Пароль — пятилетка,
    курс — Коммуна!
Есть, капитан!
    Не свернем!
Коль надо —
    заменим огонь форсунок
наших сердец огнем.
В краске,
    в слове,
    в звуках,
    в мраморе
спор бесконечный идет:
Что есть искусство?
    Картина в храме
иль парус,
    лежащий вперед?..
Пусть критики
    смотрят взглядом хмурым,—

я покамест не строю
Магнитостроя литературы,—
пишу о Магнитострое.
Пусть не бинокль моя поэма,
мне знать бы определенно—
схвачена ль здесь
основная тема?

Нащупан ли
пульс миллионов?..
Не будем бросаться
вкось и вкривь мы,—
пусть джаз клеветы гремит.
А ну, вперед,
работяги-рифмы,
равняйтесь,
держите ритм!

І. АТАКА НА АТАЧ

І

На карту взгляни:
от столиц в отдаленье,
возникнув близ карского льда,
бурая,
словно спина оленья,
тянется вниз гряда
почти на три тысячи
километров,
до теплых каспийских валов,—
а там,
уступая дорогу ветру,
распалась на сотни холмов,
на нет
постепенно сходим
без ропота,
тает, как соль,
она—
делящая Азию и Европу,
толстая стена...
Урал!

Геологи говорят:

Палеозойская эра.

Когда еще юной была планета,

что в восемнадцатом
меч молодецкий
скуем из этой руды!

...Рылись Пашков здесь и Мясников,
жадные до металла,
но — гора не сдавалась легко,
ломалась кайла капитала.

Ростом
чуть больше полкилометра,
издалека не видна,
но снизу до верху

набита щедро
железной рудой она.

Сперва —
сорок девять миллионов
здесь насчитали тонн,
потом прибавляли неуклонно
за миллионом миллион.

Сегодня
спросите наших ученых,
что говорят их труды?

Таится здесь
свыше трехсот миллионов
тонн

первосортной руды!
Мы мир изменяем,—
вот в чем соль!

Нам покорила природа.
Всеобщей Истории колесо
вертится в пользу народа.
За наш руда голосует план,
приветствует нашу систему.
Из дальних стран
через океан,
раздвинув волны Гольфштрема,
из-под Сант-Луиса,

Детройта,
Дирборна,—
оставив банкротами фордов,—
шумливой рекою,
лавиною горной,

Октябрьским шествием гордым
в страну свободного труда
мечтает попасть руда.
Из-под Балкан,
из-под Нарвика
руды поток неумный
течет,

приветствуя наш план:
«Хочу в советские домны!

Довольно

служила я целям войны,
довольно в боях гремела,—
хочу

народу советской страны
служить для мирного дела!

Хочу превратиться в турбину скорей,
ток дать далеким крайнам,
хочу для безмежных

колхозных полей
трактором стать и комбайном,
могучим соколом-самолетом
для тех, что в жизни былой
вечно были

придавлены гнетом,
как я сырою землей;
машинкой пишущей

для поэта,
чья живая строка
славит новой жизни приметы,
а не гнилье кабака.

Хочу, хочу,

в советские домны,
в новые города,
на доблестный труд,

на подвиг огромный!»
Так говорит руда.

Не удивимся мы нисколько,
если в наши года,
на севере

группа туристов-школьников
воскликнет:

«Да здесь же руда!»

Не удивлюсь ни капли
я лично,
когда геолог-чуваш
напишет в газете,
что нефтью отличной
богат наш район Канаш.
Ткварчели и Курской аномалии
дивиться нам нет причин.
Конечно,

клады открыты немалые,
но это только почин.
Наших искателей труд святой—
новой жизни основа,
меняет облик одной шестой
старого шара земного.
Добудут уголь,
нефть и металл
стране инженер и геолог.
Тогда не пугай нас,
враг-капитал,
с тобой разговор недолог!

3

Однако слегка отошла моя муза
от темы, что взял я,
от главных задач.

Сегодня
ударная сила Союза,
сплотясь,
атакует вершину Атач.
Нельзя передать вам
ни в рифмах, ни в прозе,
что видели
я и писатель Талвир:
под резким норд-остом,
на жгучем морозе
здесь подвиг творят,
удивляющий мир.

Кайла отступает, отходит в сторонку,
к сохе ее скоро в музей заберут.
Сегодня
электробуравы Армстронга
алмазом и сталью вгрызаются в грунт.

«Э-гей! Берегись!»
по отрогам Урала
разносится грохот,
взметается вихрь...
Карьер на ступеньки
разбит аммоналом,
как я на ступеньки
разбил этот стих.
И вот уже, к грудам руды подбираясь
(как будто бы вызвал его телефон),
подходит, гремя,
экскаватор Бьюс-Айрес,
ковшом колыхая,
как хоботом слон.
Слегка посопев
и зубами полязгав,
нагнулся,
разинул огромный свой рот,
потом поднатужился малость
и сразу
кусок отрывает
пудов на пятьсот.
Еще посопел, побряхтел,
осторожно
в вагон высыпая осколки скалы,
еще зачерпнул
и еще опорожнил.
И мчится вагон тот
на холм Ай-Дарлы.
Там сразу руда
в «карантин» попадает,
машины-«врачи»
на особый манер
ее проверяют,
дробят, промывают...
Так нам объяснял
инженер.
А домна пока еще не открыта,
точней — не задута,
не пущена в ход.
И нам инженер говорит деловито
про гору Атач
и про здешний народ:

«Сейчас здесь работа
кипит и в морозы.
А помню—
мы летом сюда поднялись,—
здесь, будто бы в Альпах,
проворные козы,
коровы и кони
на склонах паслись.
Встречались нам дети
из ближней станицы
с цветами в руках
и с душистой травой;
а мы проверяли,
что в недрах таится,
какие «цветы»
здесь цветут под землей.
Победой наш труд
увенчался упорный!»
С земли инженер подымает комок:
«Смотрите, вот эти блестящие зерна—
железо!
Нагнись и бери из-под ног.
Как будто бы нет
никакой здесь загадки,
как будто бы просто решался секрет,—
но ставили нам бюрократы рогатки,
кричали:
«Не выйдет! Фантазия! Бред!»
Мы знали,
что эти рогатки мы сломим,
но сколько вредило нам
разных деляг.
Хозяйничал некто Крушинский
в рудкоме,
потом оказалось—
он бывший беляк...
Сломив бюрократов и оппортунистов,
мы твердо решили железо добыть.
Ударники вышли на труд,
как на приступ.
О них-то и надо вам
петь и трубить!

Пишите—

Попов, Лесогурский, Сакмаров
возглавили натиск ударных бригад,
работали люди с подъемом и жаром,
росли, побеждая десятки преград.
Давали сто с лишним процентов
сверх плана

Лосёв и Гордеев—

гордись, комсомол!—

Стоял у слесарных тисков

Севастьянов

две смены подряд

и—прорыв поборол!

Наш Варочкин, славный десятник,

ударник,

старик уже.

В прошлом лихой партизан.

С военной ухваткой командовал:

«Парни,

а ну, поднажмем, перевыполним план!»

Сперва нам никак

не давалось буренье,—

глядишь, наконецник

расплющится в блин;

но взял на себя комсомол освоенье

упрямых электробурильных машин.

Людей не хватало.

По зову горкома

пришла к нам

студентов горячая рать,

покинув дела неотложные дсма.

горнячки решили мужьям помогать.

Они ни кайлы не боялись,

ни тачек.

«Плита подождет. Воздух здесь посвежей!»

Три сотни домашних хозяек — горнячек

старались в труде не отстать от мужей.

Теперь сами видите—

красное знамя

у нас.

Мы с любой совладаем бедой.

Не старый замшелый Атач перед вами,

а энтузиастов рудник молодой!»

ПЕСНЯ ГОРНЯКОВ

Живем, друзья, не унываем.
Махорка есть, и есть кайла.
Стране руду мы добываем,
творим великие дела.
Пускай Магнит-гора садится,—
трудись смелее, брат, не стой!
Кусок руды в рубль превратится,
да не в бумажный, в золотой!
Мы — боевой народ, рабочий,
стране все силы отдаем,
идем на отдых поздней ночью
и вместе с солнышком встаем.
Живем, друзья, не унываем,
здесь каждый духом бодр и юн...
Когда ж тебя мы повстречаем,
наш долгожданный гость — чугуун?
Эй, тетка Домна дорогая,
когда глотнешь руды состав?
Эй, тетка Домна огневая,
когда ты выдашь первый сплав?
Когда мартен возьмет в работу
чугун, что выплавил ты?
Немало пролили мы пота,
чтоб превратились в явь мечты!
Пойдет руда на плуг и трактор,
на рельсы и на провода...
У нас, товарищи, характер,
пожалуй, тверже, чем руда.
Привет тебе, Страна Советов,
страна героев-смельчаков!
Мир о такой стране, как эта,
мечтал в течение веков...
Живем, друзья, не унываем,
идем уверенно вперед,
отважно время обгоняем,
ведя годам ударный счет.
Живем в стране могучей, вольной,
любая сдастся нам гора!..
Еще попеть? Пока довольно.
За труд, товарищи, пора!

11. ПЛОТИНА

1

Урал—
не одни только древние горы,
Урал—
это также большая река,
что в пене бежит
сквозь степные просторы,
как бешеный конь,
за веками века.
И в гуле стремнины—
напевы курая,
гортанные песни джигитов лихих...
Весною она,
берега размывая,
доносит к нам клики
восстаний былых.
Свист стрел,
грохот пушек,
бои за свободу
запомнили волны ее навсегда.
А мы поклялись—
эту бурную воду
взнуздать, подчинить дисциплине труда.
Растет день за днем
индустрии громада,
вот-вот вспыхнет домен огонь в синеве,
и Магнитогорску воды будет надо
не меньше, чем нашей столице Москве.
Клокочет, бушует Урал, как при предках.
На мелях река
до седла ездока...
Нет! Жажды терпеть не должна
Пятилетка!
Плотиной обуздана будет река!
Куда ни посмотришь—
все требует воду,
мартены и домны объаты тоской.
Промоет руду и напоит заводы
Урал, покоровшийся воле людской.
Машины помогут нам строить плотину,
не будем копать мы, как старики.

Посередине реки,
Кто будет им награжден?
Кто удостоится славы?
Левый ли берег
        иль правый
раньше уложит бетон?
Доносится слева:
        «У нас будет знамя!»
Веселые парни орут в рупора:
«Эй, не советуем гнаться
        за нами,
погрейтесь-ка лучше,
        друзья, у костра».
А сирава кричат,
        меткой шуткою жая:
«Эй, левобережный,
        не споткнись-ка ты вдруг.
Не рыхло ли там вы
        бетон замешали?
Пореже лопаты роняйте из рук!»
С шуткой быстрее дело сварись,
с песней в работе не сдашь...
Сколько здесь наций?..   Товарищ...
Жолдас... Геноссе... Юлдаш...
Те от станка, те от пашни,
люди из разных краев...
Не Вавилонскую ль башню
строить задумали вновь?
Нет! Все понимают друг друга
        с полслова,
глазами, руками
        народ говорит.
Работают дружно, умело, толково.
Призыв Пятилетки
        в сердцах их горит.
С поста не уходят морозною ночью,
когда
        скован льдом непокорный Урал.
Кто видел в былом,
        чтоб хозяйский рабочий
зимой, под лед добровольно нырял?

Имени мы не узнали,—
рослый мордвин, полный сил,
здесь, на замерзшем Урале,
в прорубь свой лом уронил.
«Что ж, за железо железом
плату давать мы начнем?
Лучше я в воду полезу!»
Прыгнул—

и вытащил лом...

Мне скажут,

что мелок мой факт, словно спичка.
Пусть спичка! Пожар зажигает она!
Рабочий Магнитки, борись с обезличкой,
бездельных героев узнай имена.
Виден, скажу я короче,
здесь бережливости знак.
Надо, чтоб каждый рабочий
лом свой хранил бы вот так!
Эй, комсомольская ярость,
вспыхни!

Народ увлеку!..

Красное знамя,
как парус,
посередине реки.

4

*Жил да был мужик Хеведер,
Он, конечно, вам знаком.*

М. Федоров „Арзюри“ („Леший“),

Нет! Наш Хеведер

вам вряд ли известен.

А не мешало узнать бы его.

В краткой своей биографии—

весь он,

я не хочу добавлять ничего.

Место рожденья—

деревня глухая,

дата рожденья—

двенадцатый год.

Рос и учился, родным помогая.

птиц подшибает мороз на лету.
Но выдает молодежь кубометры,—
в лютую стужу ребята в поту.
Премию

вся получила бригада:
обувь, одежду, ударный паек.
А для Хеведера
личной наградой

был
комсомольский нагрудный значок.

Парень копал
котлован для завода,
и углублялось
сознание его.

Видеть, что нужен твой труд
для народа,—
в жизни отраднее нет ничего!

Многомиллионный Союз Молодежи
стал для Хеведера новой семьей.
И о колхозе он думает тоже,
даст он колхозу фундамент стальной.
Вправду, стальной, не для красного слова,
скоро в мартенах
здесь сталь закипит!..

Магнитострой
к жизни светлой и новой
тянет Хеведера,
словно магнит.

Прошлого мир
для Хеведера тесен.
Да для него ли, друзья, одного?..
Был мой земляк
вам навряд ли известен,—
вот вы немного узнали его!

5

Стеною железобетонной
Урал мы спешим перекрыть.
А кто-то неугомно
старается нам навредить.
А кто-то, с ухмылкой гада,
таится, как спрут-осьминог:

«Когда же на мель они сядут?
Когда их потянет на дно?»
Он ходит пока на собранья,
он вызубрил наши слова,
участвует в соревнованье,
как мы, засучив рукава.
Пока, до поры, он таится,
злой пес, носом чующий дичь,—
но темною ночью в станицу
увез он валютный кирпич.
Такому доверишься сдуру
(похож на любого из нас),
а он украдет арматуру,
чтоб свой починить тарантас.
Он рад затянуть бы нас в тину,
свалить нас в бездонный овраг.
Но выше и выше плотина,
как там ни усердствует враг...
Работаем с честью и славой,
победною песней звеня.
Два берега — левый и правый—
сближаются день ото дня.
Сошлись — и Урал преградила
отныне плотина-стена.
Сто два свои зуба вонзила
до дна в его русло она!

6

В низовьях Урала-реки
кочуют еще степняки.
Хотят два казаха попить
и верных коней напоить.
«Аллах!

Что за чудо в степи?
Пропала вода! Как нам быть?..
Ты видишь тут воду иль нет?»—
Спросил у Оспана Ахмет.
Ответил в испуге Оспан:
«Я вижу лишь ил да песок.
Быть может, то зренье обман?
Быть может, Урал пересох?»
...Плотиной задержан Урал!

Вода

в убежавших волнах
несет наши крики «ура».
А здесь все — «аллах» да «аллах»...
Обиды полны степняки:
«Что делать?»

Хоть бейся, хоть плачь,
украли Урал!

Нет реки!»
В верховья летят они вскачь.
Примчались.

Навстречу идет
с приветом Юнус, их земляк:
«Салам!

Вас прислал к нам народ?
Идемте скорей в мой барак!»
Дает на вопрос их

ответ
безмолвно

плотина-стена.
Дивятся Оспан и Ахмет:
«Вай-вай!... Времена!.. Времена!..

Плотина, вай-вай, высока,
плотина, вай-вай, крепка.
Варит коммунист-башка!
Батыр коммунист-башка!
Урала никто не украд!
Наполнит запруду вода,
и снова придет к нам Урал,
с хорошей водой, навсегда!»

Довольны друзья-степняки,
покачивают головами,
вдаль смотрят из-под руки,
пощелкивают языками.

Плотина, вот она!
Не выдумка, не фантазия...
Растеряна, смущена
древняя, темная Азия.

Покончит степняк с тоской,
поймет, где горе, где благо,—
поверит в разум людской,
утратит веру в аллаха.

Вот лодка движется большая,
на ней ударники плывут,
игру тальянки заглушая,
частушки звонкие поют:

«Ой, Маруся, ты кудрява,
и хоть весишь пять пудов,
я, бетонщик, парень бравый,
полюбить тебя готов!»

«Неплохой ты парень, Ваня,
да любовь-то не бетон,
здесь нужны луны сиянье
и гитары нежный звон».

«Разве лампа ТЭЦ, не ярче,
чем далекая луна?

Телефон звенит не жарче,
чем гитарная струна?»

«Телефон мне режет ушки,
как зовет меня в райком,
а при лампе все веснушки
на носу видны моем!»

«Эх, Маруся кастелянша,
забывать ты стала нас,
Отрываешься ты, Маша,
отрываешься от масс!»

«Ой, ты бывший наш ударник,
комсомольский наш начальник,
из портфеля душу вынь
иль все чувства в воду кинь!»

«Что же, я не протестую,
можешь душу получить,
но печатью поцелуя
надо договор скрепить!»...

Вот лодка движется большая,
на ней ударники плывут,
игру тальянки заглушая,
частушки весело поют.

Непроглядны уральские ночи,
в небе звездная стража строга,
а внизу

        комсомолец-рабочий
караулит реки берега.

Эй, не спи,

        юный сын революции!
Зорко стройку свою береги!

Вон — две тени

        к плотине крадутся;
милый с милой?

        Нет! Это — враги.

Спичку вздули,

        зажгли шнур Бикфорда.

Вот сейчас

        загремит динамит...

«Кто там?

        Стой!

        Эй, кулацкая морда!»

Комсомолец

        в волнение кричит.

И бегут комсомольцы-орлята.

Грянул выстрел...

        «На, гадина, на!»

Не ушел подлый враг

        от расплаты.

Шнур отрезан,

        стена спасена.

Кто сказал,

        что война отпылала?

Кто сказал,

        что сегодня покой?

В громе молота,

        в искрах металла,

здесь

        с врагом продолжается бой.

Землекопом отрытая норма—

в наши дни

        это тот же окоп.

Для металла

        готовая форма—

Я рад,
    что чугуны полыхающий лется!
Ему свое жаркое сердце отдам!
Готов я трудиться,
                    готов я бороться,
вставая
    по зову гудка по утрам!

2

Безветренна ночь.
                    Свищут птицы-солисты.
В природе
    мещанский покой и уют.
Американские специалисты
в березовой роще,
    в коттеджах живут.
Не спит мистер Фребель,
                    о чем-то вздыхая,
о чем-то тревожась
    в ночной этот час.
Иль гул из Америки,
    сон прогоняя,
донесся к нему?
    Там ведь полдень сейчас.
Быть может, увидел он вдруг,
    как сквозь призму,
родную страну
    и привычный свой круг?..
Навряд ли!
    Хотя он и любит отчизну,
но все ж таки к нам
    он приехал как друг.
Нет, сердце встревожило
    вовсе не это!
Иная причина
    тревоги ночной:
профессиональная
    гордость задета,
звенит самолюбие
    тонкой струной.
Он в области цифр
    и сложнейших вопросов—

как рыба в воде.

Инженер он большой.
В работе своей
и поэт и философ,
влюблен в нее,
предан ей всею душой...

Недавно его вызывали в горком.
А кто с инженерным там делом
знаком?

Никто—

знает он.

А ему говорят:
«Увы, мистер Фребель,
ваш срок длинноват.
Нам первую домну бы,
не через год,
пустить через восемь бы месяцев
в ход!»

Не стал возражать,
лишь плечами пожал он,
с усмешкой сказал:

«Темпи-темпи?» в ответ,
но тут же подумал:

«О домнах, пожалуй,
у них никакого понятия нет».

Пришел к нему цеха руководитель:
«Любые бригады дадим!

Выбирай!..

Уверен я,

здорово срок сократите».

Он снова сказал:

«Темпи-темпи? Ол райт!»

Монтажник пришел

и от лучшей бригады

ударника званье ему преподнес.

«Тэнк ю,— отвечал он,— зачем это надо?»

и вновь «темпи-темпи» в уме произнес.

Так вот отчего ему нынче не спится,
хотя за окном полуночная темь.

Хотел

в Джека Лондона он углубиться,
достал папиросу роскошную—

«Кремль»,

Сехре — молодой чуваш.
Но что поделаешь?

Прав Гераклит!

Все течет, все меняется.
Душа об Америке болит
не только у американца.
Часто думает Терендей:
«Как это могут в Штатах
жить миллионы рабочих людей
под гнетом кучки богатых?..
Хочу, чтоб любой заграничный мастер
почувствовал,

что взяли мы
строить для всенародного счастья
зданье социализма!
Хочу, чтоб при нас,
а не лет через сто,
по всем морям-океанам,
люди

без всяких паспортов
плыли в разные страны.

Чтоб красные звезды
во всех краях

горели победным светом,
чтоб явью стала мечта моя—

Всемирный Союз Советов!»
Ночью, когда весь уснет барак,
в мечтах видит будущий мир

Сехре Терендей, дорогой мой земляк,
молодой бригадир.

Спят за стеной бетонщики, плотники,
один он сидит в тишине.

Картина

«Ленин на субботнике»
висит перед ним на стене.
Ну что ж, он добьется всех благ земных,
такую страной владея!..

А мистер Фребель в очках золотых
лишь гость у Сехре Терендея.
Вздыхнул бригадир.

Махорочный дым
поплыл над бумагой газетной.

Русско-английский словарь перед ним
лежит, как замо́к секретный.

Он должен этот замок открыть.

Ночами язык уча,

он хочет с Фребелем говорить
без помощи толмача.

Снова разглядывает бригадир

Ленина на картине...

Портрет Ильича

у него на груди—

в кармане спешовки синей:

на комсомольском билете

Ильич—

пример борьбы вдохновенной...

Гудок прозвучал,

как призывный клич:

«Сехре! Торопись на смену!»

4

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ

Товарищи,

думаю, всем известно,

всем понятно, как будто,—

не через год, через восемь месяцев,
домна должна быть задута.

Ударники слов не бросают на ветер,
честно глядят народу в глаза.

Сказал, значит ты за слово в ответе
и должен выполнить то, что сказал.

Товарищи техники, инженеры,
проверьте ваши расчеты.

Какие принять нам надо меры,
чтоб шла быстрее работа?

Что является главной помехой
в нашем деле сейчас?

Говорите, товарищ Омега,
мы послушаем вас.

ОМЕГА

Ударники сами просят меня,
чтоб требовал с них покруче.

Но без конца подгонять коня
не станет хороший кучер...
Конкретно, если взять наш завод,—
какие здесь неполадки?
Металл под дождем хозяина ждет,
мусор на стройплощадке.
Мы лезем из кожи,
        чтоб домну пустить,
тянем друг друга за ворот.
А как с мартеном и блюмингом быть?
Когда достроят соцгород?
Работу мы вовремя завершим
в тот срок, что нам прежде дали.
А поспешим — людей насмешим!..
Новый срок — не реален.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Товарищ Тренба, инженер,
поспорить хочет с Омегой.

ТРЕНБА

Нет. Я, как старый итеэр,¹
согласен с моим коллегой.
В стихийной гонке опасность есть.
Мы не учли всех шансов,
и можем внезапно в лужу сесть,
насмешив иностранцев.
Это ж искусство—

        металлургия!

Домна вам не телега!

Быть может, меня

        не поддержат другие,—

по-моему, прав Омега.

Да, я уверен в этом твердо,
он говорил толково.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Товарищу Власовой из соцгорода
предоставляю слово.

---

¹ ИТР — инженерно-технический работник.

Я — с аккуратностью немецкой —
хожу к ним снова и снова.
Геноссен! Пора со стройки советской
долгой прогнать это слово.
Хочется мне, хоть я парень не злой,
за фалды схватить бюрократа,
сказать: убирайся отсюда, долгой,
«завтра» придешь за зарплатой!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Слово имеет Жуйборода.
Он горняками прислан сюда.

ЖУЙБОРОДА

Товарищи, вот мое краткое слово:
шихта для первой домны готова!
Этим вопросом себя не тревожьте.
Дальше о чем будет речь?
Через восемь месяцев можете
хоть восемь домен зажечь!
Только вот темпов Атач-рудника
я здесь не вижу пока.
Энтузиазма пока не чувствую.
Извините за критику...
Металлургия — не только искусство,
но еще и политика.
Новые домны и рудники
коммунизм утверждают.
Пусть смотрит, на цыпочки встав, Мак-Ки,
как наше солнце сияет.
Там у них в Штатах, конечно, все ясно.
Пять лет — так уж пять,
не четыре,
и домны от кризиса тихо гаснут
в их буржуазном мире.
А мы здесь подумаем,
кто этот Тренба
и что за Омега с ним рядом,
прикинем — треба их нам, чи ни треба,
надо или не надо!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Слово имеет монтажник Сехре,
опытный мастер, хоть молод,

СЕКРЕ

Товарищи, ни для кого не секрет—
в стране металлический голод.
Вы слышите, как взывают поля:
дайте машин на подмогу!..
А два инженера нам не велят
срок сократить хоть немного.
Все же мы домну задум досрочно!
«Четыре пяди в аршине»
встарь говорили. Это не точно.
Мы по-другому решили.
Наших пядей и три, конечно,
в один аршин не уместить.
Срок сократить можем планом встречным,
коль поднажмем все вместе!
Друзей иностранцев благодарим,
спасибо за честный труд им.
Верно товарищ Гейм говорил
о «завтраке» пресловутом.
Глазом хозяйским честно и смело
все оглядим и проверим.
Дело завода — наше дело,
его никому не доверим.
Мы — Геймов не только помочь пригласили,
а подивиться народу...
Стыдно препятствий не осилить
такому, как наш, заводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Друзья, записавшихся больше нет.
Кто еще выступить хочет?
Товарищ Лунин, инженер.

ЛУНИН

Товарищи, стыд меня точит.
Я слово брал не за тем, чтоб сказать,
что будет срок сокращен.
Раз тысяча рук голосует «за»,
значит, вопрос решен.
А несколько «против» поднявшихся рук
болтаются, как рукава на ветру
на пугалах для ворон...

Но стыдно мне... Не за наш завод,
а за моих коллег,
за тех, кто мешает идти вперед,
за духовных калек!
За тех, кто не видит, что массы народа
шагают «навстречу заре»,
что создают сегодня «погоду»
Власовы и Сехре
или такие, как Жуйборода,
участник двух революций!..
Нытье маловеров — ерунда,
массы без них обойдутся.
Но стыдно мне... ведь и я — инженер.
Я — сын рабочего класса,
хочу в труде подавать пример,
идушим в грядущее массам!
Решается всей планеты судьба
сегодня у нас в отчизне!
Жестокая классовая борьба—
путь к бесклассовой жизни.

5

«В Магнитогорск идет состав,
в пути задержки ни мгновенья!»
Дан этот лозунг, как устав,
всей службе связи и движенья.
Следят работники дорог
за тем, чтоб, целы и сохранны,
до нас дошли в кратчайший срок—
кирпич, стекло, лопаты, краны.
Специалистов шлет Детройт,
шлет Ленинград специалистов.
Несется на Магнитострой
состав — и дали будит свистом.
Летит стрелой локомотив,
глотаю жадно расстоянье,
и в гуде рельс — один мотив,
напев один: «соревнованье!»
Идет на стройку грузов тьма,
(порыв страны Советской жарок!)
идут стандартные дома—
мой Чувашии подарок.

Меняем товар на товар.

Кто в накладе?

Не знаю.

Порою то мы, то они.

Дадут нам излишек,

ну, что ж, бога ради!

Попробуют чуть не добавить,—

извини!

Тогда говорить начинаем иначе,
ругаемся:

надо, мол, вам поднажать!

Они — нас бранят,

чуть руды недодача.

Вообще—

друг без друга не можем дышать...

Мы уголь толчем,

чтобы стал он помельче,

потом транспротером

наверх подаем,

туда, где стоят

батареями печи

(довольно высокий и длинный подъем).

Десятки печей

в батарее пылают,

где воздуху

доступа нет на порог!

Смолу, аммиак—

химзавод забирает,

а коксовый нам остается

«пирог».

Так огненно-красную массу прозвали,
что плющится в топках.

Здесь мощный размах!..

Но это вам надо увидеть.

Едва ли

сумею я все объяснить на словах.

Идемте!»

Ведет меня мастер, сияя,
к печам.

Не могу передать их масштаб.

Над ними

огня языки полыхают.

«Эй, как с «пирогом» там?»—
воскликнул Остап.
Огня языки — словно протуберанцы...
«Печется. Дождемся сейчас «пирога!»
(Не очень кичитесь-то, американцы,—
на всю батарею
один кочегар).

Ура! Появился
«пирог» долгожданный.
С платформою электровоз
тут как тут!

И вот уже
груз нестерпимо-багряный
несется на коксотушительный пункт.
Там
к небу взвивается пар облаками,
там режут на части горячий «пирог»,
чтоб, вместе с рудой.

небольшими кусками
подать его в домну в назначенный срок.

Остап говорит:

«Все используем в дело,
лишь пар нам пока не дает ничего.

Но хлопцы мозгами ворочают смело,
уверен, используем мы и его!»

Люблю я людей,

но не лъщу никогда им,
и честно ответить Остапу хочу:

«Используем, да!

Непременно взнуздаем,
коль много таких здесь,

как вы, Бондарчук!»

7

Дни,
как чугун в огне,
клокочут.

Пусть, поглядев на нас, иной,
из тех, кто нищ душой,

бормочет:

«От спешки вид у вас дурной».

Все эти трутни зря хлопочут,
мы знаем—

враг за их спиной.

Готовы? Готовы!

Будь гвозди, столбы ли,
под ветром суровым—
зажали, забили.

— Возводим первой домны стены.

Металла звон стоит кругом,
сверканье молний автогена,
и молотов ритмичный гром.

Заклепан каждый лист

отменно.

В мороз—

согреты мы трудом.

Ударим? Ударим!

Немного осталось.

Работа в разгаре.

Забыта усталость.

Срок

сделаем еще короче,
клеветникам дадим ответ.

Коль родина в сердцах рабочих,
как не добиться нам побед!..

Дни,

как чугуна,

бурлят, клопочут,
и вот — над домной красный свет!

Был труд, как сраженье.

Не дрогнули нервы.

Отлит нами Ленин

из выплавки первой.¹

8

Семнадцатой партконференции дата
надолго среди прочих запомнится дат.

В Москву

из Магнитки явился

с мандатом

---

¹ В дар XVII партконференции был послан барельеф Ленина из магнитогорского чугуна первой выплавки.

Чугун,
                  необычный в Кремле делегат!
Сметая с дороги
                  мещанские сплетни,
он смело ворвался
                  в Андреевский зал,
он подал свой голос
                  за план пятилетний,
и звонкий тот голос
                  весь мир услышал.
Я не был в Кремле,
                  но душой восхищенной
откликнулся сразу
                  на радостный зов,
звучащий
                  не то, чтоб серебряным звоном,
а песней весны среди зимних снегов!
Советский чугун,
                  небывалый оратор,
явился,
как в явь претворенные сны,—
как самый понятный, живой агитатор,
народу сказал
                  о грядущем страны!

*

В Кремле наш чугун
                  нынче гость именитый,
ему аплодирует, стоя, народ.
А там, где рожден он,
                  у нас на Магнитной,
ударники
                  в цирке проводят свой слет.
Наполнен сегодня
                  весь цирк до отказа,
в проходе
                  протиснуться даже нельзя...
Прыгун Лазаренко,
                  наверно, ни разу
не ведал такого аншлага,
                  друзья.
Скачи веселей,
                  Лазаренко Виталий!—

У нас
 только первая домна одна,
 досрочно задутая, как мы мечтали, —
 дает каждый день
 тыщу тонн чугуна!
 Вартанио!¹
 Жмите смелей на педали!
 Не бойтесь попортить
 колеса машин!
 У нас теперь будет
 достаточно стали.
 (Резину давно уж готовим
 для шин)...
 ...Магнитка сегодня
 у всех в поле зренья,
 с любовью глядит на нее
 вся страна.
 Президиум занял места на арене, —
 одиннадцать лучших творцов чугуна.
 О каждом из них
 написать бы курсивом, —
 не только о них,
 обо всех нас, подряд:
 Мы в новых костюмах
 сегодня красивы,
 хотя мы в спецовках
 красивей стократ.
 Я вижу —
 ужели не снится мне это? —
 среди них,
 среди этих могучих людей,
 прищурясь слегка от слепящего света,
 сидит и земляк мой,
 Сехре Терендей.
 Он тщательно ищет кого-то глазами,
 обводит Сехре
 за рядами ряды...
 Ударников речи
 звучат в светлом зале,
 Все кратко и ясно.
 Ни капли воды.

¹ Вартанио — циркачи-велосипедисты.

СЕГОДНЯШНЯЯ ПОЭМА.

К десятилетию Чувашской АССР

Не розы и не соловьи,
Не струи сказочных фонтанов
К себе меня влекут сейчас.
Нет, нынче помыслы мои
Стремятся к цифрам наших планов—
И жизнь врывается в рассказ.

О том он будет, как в стране,
Какой нет равной на планете,
Наш новый мир мы создаем,
О том, как плуг на целине,
Неподнятой за ряд столетий,
Пласт поднимает за пластом;

И как у тех, кто и в кита,
И в черепах, держащих землю,
Недавно верил, как в кумир,
Сегодня труд в сознание стал
Левиафаном, что подымлет
Освобожденный, новый мир!

*

Пусть скажут: поэзии факел
Коптит, угасая навеки,
Пусть вздохи да охи кругом.
Ну что ж, копошитесь во мраке.
Вдыхающие калеки,—
Наш эпос мы льем и куем!

Пусть скажут, что запахи луга,
Где травка-муравка да цветик,
Забьет перегаром бензин,—

Коль надо, по лугу мы — плугом,
Чтоб завтра все люди на свете
Не знали тяжелых годин.

*

Туркменский ковыль опаленный
Покорно ложится под шпалы
Из прочной сибирской сосны.
К казахам несутся вагоны
С пшеницей, углем и металлом,
А встречные — хлопка полны.

И скоро в песчаных пустынях
Появятся русла каналов,
Как в сказке, сады зацветут.
Строители все мы отныне,
Творцы городов небывалых.
В них — разум наш, воля и труд!

1

Сравнишь с громадою Союза:
Малыш — республика моя.
Масштаб, как говорится, узок,
И все же, милые друзья,
Как ни тесны границы наши,
Как вклад в Союз ни скромн наш,—
Беру я слово о чувашах,
Сам по рождению чуваш.
Нет, не торжественная ода!
Молчите, гусли! Без прикрас
О жизни нашего народа
Я поведу простой рассказ.

*

— Что? Автономия! На кой,
Скажи, нам этакая милость?
Мы — пристяжной давно уж конь,
И наша летопись закрылась.
Чуваш в пристяжке на века,
Куда нам без коренника?
Все это — детская игра.

Пришли, потешатся и — мимо...
Россия, брат, не со вчера
Была единой, неделимой!
— Да, да! Скачки!— Какой в них прок?
Чудовищные катаклизмы...
Сначала надо б некий срок
Кипеть в котле капитализма...
— Конечно! Сэливан, Ехрем...¹
С Европой связь и то приличней.
А там бы мы, пардон, совсем
Без наций зажили б отлично!
— Вот, вот! От революций нам
Не тцетно ль ждать каких-то выгод?
К Европе надо б чувашам,
да поскорей лаптями двигать.
Из Автономии, пойми,
Нам никуда не будет хода!
Администрацию корми,
А из каких, пардон, доходов?—

Такой, примерно, разговор
Вели когда-то два эсера.
Но понапрасну: на простор
Вела народ иная вера.

2

Федерации тяжко в блокаде.
Тиф и голод внутри кольца.
Но без слез, без мольбы о пощаде,—
Фронт и тыл,— мы стоим до конца.
Федерации тяжко: в кровище
Утопить ее тщатся враги,
Но голодные, хворые, нищие
Не сдаемся — и никаких!
Равноправие, братство, свобода!—
Чья рука их назад отберет,
Коль на битву за счастье народа,
Сам свободный, поднялся народ!?

*

Автономная область! И смеха и горя—
Поначалу хватало всего.
Всколыхнулось народное море.

¹ Чувашские буржуа.

Слухи, толки—«зачем?», «отчего?»
«Кум, слышь, царь завелся у чувашей,
Кто он, как бы узнать поскорей?..»
Как же, есть, мол. И кума уважит:
«Это, слышь, Тимуха эльхерей...»¹
Старики с хитроватым прищуром
Рассуждали и этак и так.
Много дела нашлось балагурам,
Были споры, пока что без драк.

Но, когда без царя и без архиерея
Власть, молчавшая до поры,
Заглянула в мошны, в закрома к богатеям,
Кое-где поднялись топоры.
Уцелевшие царские псы и куштаны,
И эсеры твердили одно:
«Чуваши, мол, друг с другом считаться не станут:
Классов нет у нас... Все равно,
Автономия кончится крахом:
Власть — не власть, мол, в руках у невеж...»
Как пожар среди ночи, багровый, из мрака
Полыхнул вдруг Чапанский мятеж.
Автономная область! И смеха и горя
Поначалу хватало у нас...
Всколыхнулось народное море,
Враг — в углы, и мятежник угас.

3

Преодолев войну-барьер,
Идет вперед неудержимо
Страна моя — СССР,
Союз народов нерушимый.

Поднялся на ноги колосс,
А мы — республикою стали.
На днях решен уже вопрос:
Столицей Шубашкар назвали.

Кой-кто ворчит: нашли, мол, град!
Все делать надо бы иначе,
И что начальники глядят—
Алатырь ведь куда богаче!

---

¹ Эльхерей — архиерей (чувашск.).

«Тинь-тинь, синичка, не топырь
Ты перышки: сломаеть лапку!
— А я летаю в Аладырь,
Мне там кузнец скует заплатку...»

Такая шутка на устах
Была у многих в эту пору;
Но постепенно на местах
Все улеглось, утихли споры.
Куда б ни прыгала синица,
А Шубашкар теперь — столица.

Но в том ли дела соль и суть,
Чтоб о столице вечно спорить?
Нет, нужно дело развернуть!
Звучи, наш голос, в общем хоре!

4

Взялись за работу.
За плуг!
За руль!
За верстак!
Работай с охотой,
Во всем будь мастак!
В лесах вся столица:
Кирпич,
Стекло,
Провода!
Здесь дело спорится.
Мозоли, пот — не беда.
Дома вырастают.
Кладем этаж на этаж.
Кладу его, зная:
И твой он,
И мой он,
И — наш!
Мы строим дорогу:
Строй шпал
Стал строг,
Как отряд.
Растет понемногу
Наш мебельный
Комбинат.

Зимой аэросани,
Как вихрь,
Скользят по снегам.
Мы ток дали сами
Своим
Глухим
Городам.
Да только ли в город!
И в каждый наш сельсовет
По проводу скоро
Пошлем мы,
Ильич,
Твой свет!

*

Хоть дела не мало,
Нужна и грамота нам,
И бабушка стала
За мной читать по складам:
— Вот серп, смотри-ка—
«С» буква, а вот,
Как в бублике дырка—
Читается «О».
Запомни: вот эта,
Палка с кольцами —«В».
У этой примета—
Ступеньки, звать букву —«Е».
Вот «Т», запомни,—
Как грабли, лишь зубьев нет...
И бабка в лицо мне
Обрадованно:
СО-ВЕТ!

5

«Народ без истории»— так наш народ
Был назван когда-то. Отныне он сам
Далекое прошлое познает
И смотрит без страха навстречу векам.
К культуре абашей¹

---

¹ Абашевская культура — культура племен конца бронзового века, по названию с. Абаш в Чувашии. В 1925 году В. Ф. Смолиным были произведены первые раскопки абашевских курганов.

Сквозь толщу веков
 Чуваш устремляет свой пристальный взгляд,
 И тот, кто глотал дым курных очагов,
 Сегодня — историк, лингвист, нумизмат.
 В республике — Смолин, Ашмарин и Марр.
 «Чуваш — яфетид», — утверждает один,
 Другой ему в пращуры прочит болгар,
 А третий твердит, что чуваш — угрофинн.
 К шумерам чувашей отнес кое-кто.
 Одно несомненно: чуваш есть чуваш.
 Я б в пращурах рыться не стал ни за что, —
 Сегодняшний день наш рисуй, карандаш!
 Сегодняшний день подавай нам, перо,
 Людей, поднимающих в высь этажи.
 Конечно, взглянуть сквозь столетья — хитро,
 Но нужно, друзья, переделывать жизнь!

6

Та завеса, что прошлое скрыла от нас,
 Приподнялась теперь, и простой человек,
 Тот, кто червем земным назывался подчас,
 Увидал себя в истинном свете в наш век.

С экрана в зал
 Сарбиге¹ глядит.
 Огни в глазах,
 И лукавый вид...

Всюду, даже за тысячи верст,
 Люди знают и помнят нас,
 Кто тяжелый свой крест сквозь века пронес,
 Кто за волю на бой выходил не раз,
 Сострадав мукам наших отцов,
 На экранном нас увидав полотно,
 Будет он за свободу к борьбе готов —
 Англичанин

иль немец

наших дней.

«Шубашкарский посошок,
 Посошочек белый...» —
 Слушай песенку, дружок,
 Хоть денечек целый.
 Хочешь фильм посмотреть —

¹ Сарбиге — героиня одноименного чувашского кинофильма.

Посмотри «Апайку».
Стали мы богатеть,
Книгу нам давай-ка.
И артисты у нас есть,
И художники,
Гармонисты у нас есть
И... «сапожники».
А еще есть у нас
Девицы-певицы,
Начнут перепляс—
Парням не сидится.
«На других не гляди,
За Ивана выходи...»
Песня старая пока—
Дай-ка новых, Вазянка!

*

Есть и поэзия у нас.
И та, что в книгах, и — живая,
Но, коль о них начать рассказ,
Не будет ни конца, ни края
Повествованью моему.
А посему
Скажу я лишь о новом быте.
Что? Скучно стало кой-кому?
Так эти строки пропустите.

Церкви нет:
Поп не люб.
Десять лет
Здесь клуб.
Красношейка-пионер
Всем ребятам пример.
Трудятся, не ленятся
Комсомольцы-ленинцы,

Бюрократ?
Подхалим?—
Чтобы пусто было им,
Им и их приятелям—
Очковтирателям!
Рано, рано руки нам
Складывать на животе.

Для сиденья по углам,
Времена уже не те!

Есть много дел.
За рядом ряд — в бригады!
Чтоб каждый пел,
Чтоб шаг звенел:
Нам труд прославить надо!

*

Не речи юбилейные
Готовь на праздник наш,
Закончим поскорее мы
Путь Шубашкар — Канаш!
Поменьше циркулярить!
Бумаги подождут.
Скорее в Шубашкаре
Построим институт!

Сила всей страны моей—
Сила края моего.
То, что хорошо стране,
Хорошо и для него.
Что Москва посеет в срок,
В Шубашкаре даст росток!

Нам, как мать, раскрыла
Родина объятья,
Нас борьба сплотила,
Мы живем как братья!
Омрачит ли дни нам
Облачная рябь?—
Наш отец единый—
Солнечный Октябрь!
Счастье поколений—
Наша цель и клич.
В сердце нашем — Ленин,
Дорогой Ильич!
Клятву дали делу
И седой и юный.
Так вперед же смело—
Впереди — коммуна!

1930

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Семену Эльгеру

Двадцать шесть, двадцать шесть, двадцать шесть их,
Беззаветных, бессмертных сердец.
Люди, станьте в ряды скорбных шествий!
Двадцать шесть, двадцать шесть, двадцать шесть их!
Эта песнь — их надгробный венец.

Хмурый день сентября, день двадцатый,
Восемнадцатый взвихренный год...
Люди, помните скорбную дату—
В этот день, сентября день двадцатый,
Потерял их рабочий народ.

Азизбеков, Шаумян, Джапаридзе—
Знаменосцы рабочих колонн!
Есть разъезд... Лишь песок шелестит здесь:
«Азизбеков, Шаумян, Джапаридзе...»
Не забудь этих славных имен!

*

Гонит Каспий зеленые волны.
В красноводской тюрьме Шаумян
Ночью, в камере, шорохов полной,
Вспоминает Азербайджан.

Вспомнил он апшеронские вышки,
Гул восстанья в рабочем Баку,
Крики ярости, выстрелов вспышки
И простреленный флага лоскут.

Вспомнил радость нелегкой победы
И друзей боевых торжество.

— Наш Баку... он не сдался, а предан,
Интервенты терзают его...

Англичанин, затянутый в хаки,
Спекулянт и мулла, и кулак,
Турки, немцы, эсеры, дашнаки—
Многоликий, безжалостный враг.

Он и здесь, за решеткою двери,
Торжествующий, наглый и злой.
Он не выпустит... подлый уверен...
Ты прости нас, Кавказ трудовой.

Ты прости нас за наши ошибки:
Мягкотелы мы были подчас,
Забывали, что в яростной сшибке,
Коль не мы— значит, враг свалит нас...—

Тьмища в камере тесной, но зорко
Сердце узника: там, за стеной,
Видит стройные тополи Норка,
Арарат, озаренный луной.

Видит чистые воды Севана,
Берега полноводной Куры,
Многолюдный базар Еревана
И угрюмый гранит Шат-горы.

Видит лица бакинских рабочих
И согбенные плечи дехкан...
И жены исстрадавшейся очи
Видит сердце твое, Шаумян...

Пол как лед. Ноги пленника стынут,
Но забыл Шаумян про тюрьму.
Видит он черноглазого сына,
Что-то ласково шепчет ему.

Если б мог, если б мог он хоть слово
Малышу наяву прошептать,
Рассказать, почему он в оковах,
И последний завет передать!

Если б только он мог этой ночью,
Разомкнув пересохший свой рот,
Прокричать апшеронским рабочим:
«Ждите, братья, победа придет!»

*

Ночь легла на сады Ашхабада.
Только ветер листвою шелестит.
Особняк. Часовой у ограды.
В окнах свет: в доме кто-то не спит.

В стекла ветер ударил с размаху,
Словно войско штурмует редут.
Реджинальд и палач Бичерахов
Ночью сети бакинцам плетут.

Англичанин высок. Строгий китель.
Сединою чуть тронут висок...
Реджинальд Тиг-Джонс! Чтó, скажите,
Привело вас сюда, на Восток?

Или спрут, что так жадно опутал
Тело Индии бедной, опять
Ищет жертв и настала минута
Что-то к щупальцам цепким прибрать?

Джонс басит. Он напорист и властен.
Он заранее знает ответ.
Бичерахов, конечно, согласен,
«Но не здесь...»—«Разумеется, нет!»

*

Снова двое: начальник разведки
«Мистер» Дружкин и он... Реджинальд.
Шторы спущены. В комнате-клетке
Бас и словно бы девичий алыт.

Бас умолк. Слышен вкрадчивый шепот
(Но басовые нотки сквозят):
— Мистер Дружкин, поймите, Европа
Вас оценит, но медлить нельзя...

Двадцать шесть комиссаров — угроза
И для вас. Вы согласны со мной?
— Да, конечно... — Так эту занозу
Нужно, — как это? — вырвать долой!

Наша миссия, — я разумею
Наши цели, — для вас не секрет.
Постарайтесь как можно скорее
Коммунистов отправить в Мешхед.

Там разведка, там Индия близко.
Если нужно, так весь этот сброд,
Полный мистики большевистской,
Можно, — как это? — делать в расход...

Дружкин понял. Он вздрогнул от страха,
Оглянулся назад, на окно:
— Здесь решает один — Бичерахов. —
Джонс подумал: «Что ж, так бы давно!»

Ловок Дружкин: не знает он что ли,
Кто хозяин, а кто здесь слуга!
Усмехнулся Тиг-Джонс, он доволен:
Пес умен — не упустит врага.

*

Каспий в гневе. Угрюмо рокочет
И шипит за окошком бурун.
Нет конца затянувшейся ночи,
Ни на миг не уснул нынче Кун.

Кун — эсер. Он мечтает о власти.
Двадцать шесть — это случай, ступень...
Куну выпало редкое счастье.
Наступает решительный день.

Что замыслил диктатор однако?
Это надо скорее узнать.
Телеграмма. Внизу — Б и ч е р а х о в.
Чуть повыше приказ — р а с с т р е л я т ь.

*

Паровоз и четыре вагона.
Расстояние тает, как воск.

Там, в тумане, в конце перегона
Замерцал огоньком Красноводск.

Дым сигары в купе Реджинальда
Синей петлей над лампой повис.
Джонс закончил расчеты и сальдо
Ставит мысленно красным на лист.

В двух соседних вагонах солдаты.
Он просил понадежней послать.
— Нет, Степан Шаумян, никуда ты
Ускользнуть не сумеешь опять!

Двадцать шесть не уйдут — Джонс уверен,
Ясен посланный Куну приказ.
Значит, черный Баку не потерян,
Значит, есть еще путь на Кавказ...

Паровик задыхается в спешке.
Он пыхтит и сопит, как живой.
Губы Джонса кривятся в усмешке.
Джонс сегодня доволен собой.

*

Море стихло. Оно, словно кошка,
Тихо-тихо мурлычет теперь.
Почему так высоко окошко?
Почему здесь железная дверь?

Чей напев, что за дивное пенье
Слышит узник, забывшись на миг?
Цепи гор видит он в отдаленье,
Где-то рядом лепечет родник.

Не печальные возгласы чаек
За железной решеткой окна—
Голос матери он различает.
Эту песню невала она.

Мать, ты спой ему песню свободы,
Годы детства напхни ему...
Все исчезло. Лишь стены и своды.
Влажный сумрак окутал тюрьму.

*

— Выходи Становись!..— Загудела,
Как встревоженный улей, тюрьма.
В коридоре конвой осовелый.
Крики, ругань, толчки — кутерьма.

Джапаридзе из камеры вышел.
Он успел на ходу прокричать:
— Эй, товарищи, голову выше!—
А в ответ ему рев: «замолчать!»

Конвоиры, угрюмо пабычась,
Ожидают лишь знака, и вот
Кун, прибывший взглянуть на добычу,
«Выводите!»— приказ отдает.

Он ликует и в самозабвенье
Не скрывает злорадства, но взор
Ясный, смелый и полный презренья,
Как удар, вдруг встречает в упор.

Вздрогнул Кун, пошатнулся, как пьяный.
И, потупясь, уставился в пол.
Это Кун увидал Шаумяна.
Шаумяна конвойный провел.

*

Двадцать шесть за надежным запором.
Джонс заботливо выбрал вагон.
Паровоз под парами и скоро
Побежит, набирая разгон.

— Машинист Щеголютин, запомни:
Остановка — Ахча-Куйма.
Место выберешь сам, поукромней.
«Да»— награда, а «нет»— тюрьма!—

Щеголютин кивает: понятно,
Не теряйте, мол, попусту слов.
Он и сам не пойдет на попятный.
Все, что скажут, он сделать готов.

Застучали колеса на стыках.
Учащенно забились сердца.
Но не слышно ни стонов, ни крика—
Каждый верен себе до конца.

Им сказали, что путь до Мешхеда.
Но для всякого ясно: обман.
В полном мраке ведут беседу
Фиолетов и Шаумян.

В их речах не упрек оробелым.
Здесь их нет, здесь герои одни.
В их речах — слава правому делу,
За которое гибнут они.

Поезд встал посреди перегона.
Степь. Сухой саксаул да песок...
Реджинальд, выходя из вагона,
Пистолет из кармана извлек.

— Что ж, пока выводите десяток.
С остальными покончим потом...—
Треснул залп. Слышен скрежет лопаток:
Солончак подается с трудом.

Залп.— Товарищи, голову выше!—
Дым клубится, удушлив и сиз.
Снова залп. Но сквозь треск его слышен
Крик: «Да здравствует коммунизм!»

Солончак и кусты саксаула
Здесь, на двести седьмой версте.
Не сгибаясь, в зловещие дула
Среди чахлых кустов саксаула
Вы глядели на смертной черте...

Азизбеков, Шаумян, Джапаридзе—
Знаменосцы рабочих колонн!
Тих разъезд... Лишь песок шелесит здесь:

«Азизбеков Шаумян, Джапаризде...»
Двадцать шесть незабвенных имен.

Двадцать шесть, двадцать шесть, двадцать шесть их,
Беззаветных, бессмертных сердец.
Люди, станьте в ряды скорбных шествий!
Двадцать шесть, двадцать шесть, двадцать шесть их!
Эта песнь — их надгробный венец.

1927

СКАЗКИ

СУЛБИГЕ И ВАЛЕМ-ХУН

Ни теперь, ни в прошлом веке
Ни во сне, ни наяву,
А подумать если — ложью
Это я не назову.
Дед мой был еще ребенком,
Как однажды мы с отцом
Собрались на охоту
В лес приволжский вечерком.
Поохотились мы славно
И удачнее нельзя:
Я поймал хромого зайца
И бескрылого гуся.
А потом, плутая где-то,
Ночевали мы в селе
В той избе, которой вовсе
И не сыщешь на земле.
Спали тоже на полатах
Непостроенных для нас.
И про то, что там слышали,
Поведу я свой рассказ.

1

Мышь растил один чувашин,
Чем кормил, поил — не важно,
Но не плохо, знать, жилось ей,—
Стала мышь не меньше лося.
А потом, короче скажем,
Заколел ее чувашин
И, как редкостный товар,
Вынес шкуру на базар.

«Эй,—кричит,— кто угадает,
Что за шкура за такая,
За того отдать не прочь
Я единственную дочь».
Весь базар гадал по-всяко,
Не узнал народ однако,
И отнес чувашин мой
Шкуру ту опять домой.
Но пошла молва повсюду:
«Что за шкура? Эко чудо!»
А невеста, всем на диво,
И приглядна и красива,
Аккуратна, круглолика,
Щеки, словно костяника,
И ясней, чем звезды ночи,
Светят ласковые очи.
Ну, а брови... Брови были
Будто ласточкины крылья.
Стоит девке улыбнуться,
Брови мягко изогнутся.
Стоит девке осерчать,
Брови шильями торчат.
А уж губы как пригожи—
На двойной орех похожи.
Счастлив, верно, будет тот,
Кто орешек разгрызет!
Ниже пояса ручьями
Льются косы за плечами.
Как заря, в лице улыбка,
А фигура, словно скрипка.
А по улице пройдет,
Будто лебедь проплывет.
А словечко если скажет,
Прямо маслом сердце смажет
Сулбиге — невесту звать.
Каждый хочет замуж взять.

Все такой невесте рады,
Отовсюду едут сваты.
Всюду думает народ,
Как бы с ней умножить род.
Ведь невесту, коль не врут,
Без калыма отдают!

Потому в невестин дом
Сваты ломаются гуртом.
Даже тем нужна невеста,
Чей жених не больше песта,
Несмышлениш глуповатый,
А туда же — гонят сватов!
Только шкура без сомненья
Вводит всех людей в смущенье:
На́ смех, видно, не иначе,
Задал им чуваш задачу.
Колдуны, колдуньи сами
Шкуру щупают руками.
Даже тот в тупик заходит,
Кто весь век скотину водит.
Со зверей любой охотник
Шкур содрал не меньше сотни,
Но молчит. Никто не знает,
Головами лишь качают.
Ну, а коли так, известно—
Не видать им и невесты!

А меж тем, сказать коль вам уж,
Сулбиге охота замуж.
Вот она идет на речку,
Ноет девичье сердечко.
Сулбиге вздыхает тяжело:
«Ах, пропала я, бедняжка!
Женихи никак, я слышу,
Не узнают шкуру мыши...»
В это время под мосточком
Хитрый змей лежал за кочкой.
Он все понял. Усмехнулся.
Засвистел, в кольцо свернулся.
И, как водится, потом
Он приполз в невестин дом.
Притворился змей незнайкой:
«Эй, хозяин! Эй, хозяйка!
Шкура есть у вас такая,
А с кого — никто не знает.
Ну, а кто, слышать, узнает,
В дар красотку получает.
Покажи, хозяин, кстати,
Надо счастья попытать мне!»

Развернул хозяин шкуру,
Змей взглянул на шкуру хмуро:
«Провалиться мне, не верю,
Чтоб такие были звери.
Шкура очень хороша,
Не иначе, как с мыша!»
Тут чуваш и рот разинул
Перед змеем-образиной.
«Неужели будет надо
Породниться с этим гадом?
Ах ты, дьявол. Вот обида—
Как я дочь за змея выдам!
Но ломаться что ж,— не веник.
Уговор дороже денег.
Сколько тут ни горевать,
Свадьбы, знать, не миновать».

От тоски, от дум немея,—
Как она пойдет за змея,
Плачет в доме день и ночь
Сулбиге — родная дочь.
Часто дочь во двор выходит,
Разговор с конем заводит,
Шею гладит, обнимает,
Будто конь все понимает.
«Добрый конь мой, аргамак!
Может, ты научишь, как
Избежать беды лихой
Мне, девице молодой?»
И однажды конь под вечер
Ей сказал по-человечьи:
«Не грусти, моя хозяйка.
Ко дню свадьбы запасай-ка
Ты три веника зеленых
Да три камушка каленых.
Приготовь еще, девица,
Так же три зерна пшеницы,
Роговых три гребешка,
Три щетинки от хряка...
На меня верхом ты сядешь,
Все с собой возьмешь-захватишь».
Сулбиге совету рада,
Все сготовила, что надо,

В узелочек уложила,
Ничего не позабыла.
Наконец, настал день свадьбы:
Из змеиной из усадьбы
Поползли цепочкой длинной
Змей-жених с родней змеиной.
Пировать на свадьбе гады
Все, как видно, очень рады:
Старый змей, старуха-змейка,
Дочь старухина-злодейка,
Две снохи-змеи, змеята,
Змеи-друзжки, змеи-сваты,
Все в невестин дом ползут,
Все, как есть, собрались тут.
Влезли в дверь, в окошки, в щели,
За столы всей сворой сели.
Пьют, едят, пируют змеи,
Веселятся, как умеют.
Плачет девушка-невеста,
Не находит сердцу места.
Вот пора ей, чин по чину,
Отправляться в дом змеиный.
Тут подводят ей коня:
«Ой, прощай, прощай, родня!»
Сулбиге с семьей простилась
И в постылый путь пустилась.
Тут советует ей дружка:
Впереди, мол, ехать нужно!
«Так гласит закон старинный
И обычай наш змеиный».
Сулбиге сказала скромно:
«Мне дорога незнакома.
Вы вперед ступайте сами,
Я уж, как-нибудь, за вами».
С этим змеи согласились
И домой заторопились.
Так ползли они, и скоро
Прибыли к змеиным норам.
Дружка-змей тут, честь по чести,
Обратился вновь к невесте:
Первой, мол, извольте влезть,
Окажите змеям честь!
Сулбиге сказала скромно:

«Как же в незнакомый дом я
Вдруг одна войти посмею?
Дверь открыть я не сумею.
Вы вперед ступайте сами,
Я уж, как-нибудь, за вами...»
С этим змеи согласились
И тотчас же в норах скрылись.
Ну, а только скрылись змеи,
Сулбиге скорей-скорее
На коня, к луке припала,
Поскакала и — пропала!
Ждет-пождет жених невесту.
Где невеста? Неизвестно!
Выполз он на белый свет,
Глядь—и тут невесты нет!
Змей от злости даже замер,
Дико засверкал глазами,
Засипел, раздул бока,
Сыпля искры с языка.
Он сжимался; снова длинно
Распрямялся, как пружина.
Поднимался во весь рост,
Становясь на жесткий хвост.
Вот он выпрямился, встал,
Во всю силу засвистал.
Этот свист слышав где-то,
Змеи-гады всего света
Наползли тут, зашуршали,
Черной злобой задышали.
Больше всех жених бесился,
Он башкой о камни бился,
Бранью, змеям лишь известной,
Он бранил и клял невесту.
«Надо нам ее догнать!
Надо нам ее поймать!
Мы ее на землю свалим,
Мы ее в лицо ужалим.
Пусть распухнет, будто бочка,
Человеческая дочка!»
«Смерть невесте! Смерть невесте!»—
Зашипели змеи вместе.
Вслед за всадницей-беглянкой
Мчатся змеи спозаранка,

Лезут несусветной стаей,
Друг на дружку наползая.
Вот невеста оглянулась
И от страха пошатнулась:
Не окинуть землю взглядом—
Столько их тут мерзких гадов,
Пестрых, черных, желтых, разных,
Ненавистных, безобразных...
Сулбиге коня спросила:
«Аргамак мой, конь мой сивый,
Что же, делать мне, родной?
Змеи гонятся за мной!»
Умный конь ответил ей:
«Брось три веника скорей».
Все исполнила невеста,
И тотчас же повсеместно
На пути змеиной стаи
Роща выросла густая.
Эта роща, много ль, мало,
Змей в дороге задержала.
Все ж, пробравшись еле-еле,
Змеи чашу одолели.
Кольца пестрые свивая,
Снова двигается стая.
Поднимая клубы пыли,
Мчится быстро, как на крыльях...
Сулбиге коня спросила:
«Аргамак мой, конь мой сивый,
Что мне делать, я не знаю,—
Снова змен нагоняют».
Славный конь ответил ей:
«Брось три камушка скорей».
Все исполнила невеста,
И за ней тотчас, отвесна,
На пути змеиной стаи
Поднялась гора крутая.
Долго мучились тут змеи,
Влезть на гору не умея.
Все ж, с одышкой, как могли,
Гору ту переползли.
Вот, дыша огнем и смрадом,
Настигают снова гады...
Сулбиге коня спросила:

«Аргамак мой, конь мой сивый,
Что мне делать разнесчастной,
Нагоняет враг опасный?»
Верный конь сказал привычно:
«Брось три зернышка пшеничных».
Зерна бросила невеста,
И тотчас же повсеместно
На пути змеиной стаи
Враз пшеница вырастает.
А густа, часта пшеница,
Не просунуть даже спицы.
Но враги и тут пробрались,
Хоть до крови ободрались.
Стали змеи пуще злее,
Изрыгают пламя змеи,
Свищут, корчатся, шипят
Вот почти у самых пят...
Сулбиге коня спросила:
«Аргамак мой, конь мой сивый,
Как мне быть и что мне делать,
Подскажи, конек мой смелый!»
Верный конь ответил ей:
«Брось три гребня поскорей».
Гребни бросила невеста,
Вдруг — откуда неизвестно —
Перед стаей злобных гадов
Появилось бычье стадо.
Принялись быки мычать,
Змей копытами топтать.
Давят, месят их ногами,
Колят острыми рогами.
Много змей тут растопталось,
Но не мало и осталось!
Дым и пламя изрыгая,
Травы, листья обжигая,
Мчится снова враг ужасный
За беглянкою прекрасной.
Сулбиге коня спросила:
«Аргамак мой, конь мой сивый,
Змеи близко, змеи рядом,
Неужель достанусь гадам?..»
Конь тут весело заржал:
«Не пугайся, — он сказал, —

Брось навстречу подлым змеям
Три щетинки поскорее».
Все исполнила невеста,
И — откуда неизвестно—
Появилось возле змей
Стадо целое свиной.
Свињи, щелкая клыками,
Громко чавкая губами,
Змеям и дыхнуть не дали,
С потрохами всех пожрали!

2

Чистым полем в бледном свете
Сулбиге печально едет.
Солнце село. Дело к ночи.
Конь устал, и ей нет мочи.
Отдохнуть бы где в жилище
И пора принять бы пищу.
Только местность незнакома:
Далеко, видать, от дома!
Смотрит девушка вокруг—
Огонек мелькает вдруг.
Под собой не чуя ног,
Тянет конь на огонек.
Наконец, вот дом огромный.
Сулбиге стучится скромно:
«Не знакома, не родня я,
К вам стучусь я, вас не зная,
Вы меня уж не браните—
Ночевать прошусь, пустите».
«Что ж, знакома ль, не знакома,
Отдыхай себе, как дома.
В нашем царстве, в нашем крае
Мы дверей не запираем».

Оказалось, — вот так случай!—
В доме жил сам хун могучий¹.
Он спросил: «Желал бы знать я,
Кто приехал, на ночь глядя?»
И узнав, тотчас девице
Повелел к нему явиться.

---

¹ Хун — здесь в смысле главы державы.

К хуну девушка явилась,
Молча низко поклонилась,
Но однако ж вся зарделась,
Будто в красный шелк оделась.
Оттого беглянка наша
Стала чуть не втрое краше.
Хун на девушку взглянул,
Сам смутился и вздохнул.
«Подойди ко мне, красотка,—
Молвил он ей тихо, кротко,—
Сядь со мной, поговори,
Чья ты будешь, дочь зари?
Я по платью мог сказать бы,
Нарядилась ты для свадьбы.
Но коль так, ответь сначала,
Как же ты в мой дом попала?»

Сулбиге все рассказала:
Как томилась, как страдала,
Сколько вынесла мучений,
Страха, горя, приключений.
По порядку, может, час
Длился девушки рассказ.
Хун внимал ей с удивленьем.
С интересом, с восхищеньем
Он за девушкой следил,
Глаз своих не отводил.
До чего она умна,
И любезна, и скромна!
Хун нашел в ней много вкуса...
А потом заметил грустно:
«Да, на свете горя — бездна.
Но и горе знать полезно:
Без печалей, без напастей
Как бы мы ценили счастье?
Вот тебя беда ломала.
Хорошо, что миновала,
Не согнула твою душу!..
А теперь меня послушай,
Про себя тебе скажу я:
Власть имею я большую.
Я богат, меня все знают,
Мудрецом меня считают.

Ни один не может враг
Победить меня никак.
Да, я мудрый Вáлем-хун,
Светел и здоров мой ум.
Мой дворец, мои владенья—
Всей земле на удивленье.
Но краса моих хоромин
Лишь пленяет посторонних.
Мне ж, красотка, эти зданья—
Хуже, чем курная баня.
Не мила мне власть и сила
Без наследника, без сына!
Двух я жен сейчас имею,
Их охаивать не смею.
Жизнь не зря мне их дала:
Две жены как два крыла.
Но тоска мне сердце гложет,
Мысль одна меня тревожит:
Я умру, а кто вперед
Поведе́т родной народ?
Государство кто возглавит?
Кто дела мои прославит?
У руля страны родной
Встанет человек чужой.
Мучусь я, судьбу кляня:
Нет у сына у меня!
Полон сил я, как бывало,
Жить мне, может быть, не мало,
Но летать орленка учит
Сам орел, бросая с кручи;
Так же учит, помудрев,
Львенка всем повадкам лев.
Человек, сынка имея,
Сам под старость молодеет,
Видит в сыне неизменно
Он достойную замену.
Любит сына своего,
Учит разуму его!
Все ли, милая, понятно?
Имя мне твое приятно,
Так и сам бы я тебя
Называл всегда, любя.
Но хочу, в мечтах о сыне,

Чтоб тебя в стране отныне
Величали Хун-биге¹,
Как пристало бы тебе.
Будь же ты моей женою,
Во дворце живи со мною.
Может, ты родишь мне сына
Великана-исполина».

«Добрый хун, мне, как невесте,
Оказал ты много чести.
Говорят, на фунт ума,
Как слыхала я сама,
Счастья хватит на века
Одного золотника.
Я не знаю, добрый хун,
Сколько весит весь мой ум,
Но для полного согласия
Хватит мне и столько счастья.
Нет мне жребия милей—
Стать помощницей твоей».

Так-то третьей, молодою,
Обзавелся хун женою.
Дни и ночи с ней проводит,
Время тянется, проходит.
Вот в какую-то столицу
Хун собрался за границу.
В день отъезда кликнул он
Всех своих законных жен.
Тут в дорогу, перед маршем,
Он спросил у самой старшей:
«Чем, когда вернусь домой,
Ублажишь меня, друг мой?»
Вся готовая к услугам,
Молвит старшая супруга:
«Я тебе, мой хун бесценный,
Припасу обед отменный.
В доме старшая, по праву
Угощу тебя на славу
Самой вкусною едою,
Самой сладкою водою!»

---

¹ Хун-биге—супруга хуна.

Улыбнулся хун при этом:
Он доволен был ответом.
Тут же просто, не спесиво,
У второй жены спросил он:
«Ну, а ты, моя подруга,
Чем порадуешь супруга?»
От усердия сгорая,
Говорит жена вторая:
«Выпряду, сама сотку я,
Выбелю, сама сошью я
Для тебя, мой хун, рубашку,
Побелее, чем ромашка.
В целом мире равной ткани
Никогда еще не ткали,
И рубах таких красивых
Люди сроду не носили».
Хун одобрил всей душой
И ответ жены второй.
Тут он обратился к третьей:
«Ну, а ты меня чем встретишь?»
Как хотела, как сумела,
Сулбиге сказала смело:
«Для тебя рожу я сына,
Великана-исполина,
На одной щеке с луной,
С ясным солнцем — на другой,
С золотыми волосами
И жемчужными зубами».
Хун от радости тотчас
Обнял Сулбиге не раз,
А потом с семьей простился
И в далекий путь пустился.
Дни за днями полетели...
Сулбиге и в самом деле
Родила красавца-сына,
Великана-исполина,
На одной щеке с луной,
С ясным солнцем — на другой,
Сулбиге сыночка любит,
Кормит, пестует, голубит.
Но две старшие жены,
Жгучей зависти полны,
Порешили не шутя

Извести ее дитя.
Вот однажды так случилось:
Мать из дому отлучилась,
Заговорщицы-злодейки
Враз вскочили со скамейки,
Злому умыслу послушны,
И снесли дитя в конюшню.
Вместо хунова сына
В зыбку сунули щенка.
Сулбиге домой вернулась,
Над постелькою нагнулась,
Чтобы грудь малютке дать,
Убаюкать, приласкать.
Но в постельке у сына
Видит Аньчика-щенка.
Удивленная, сначала
Сулбиге тут закричала:
«Прочь пошел, негодник-Аньчик!..»
Но куда же делся мальчик?
Мать везде по дому рыщет,
Тут и там ребенка ищет.
Вот она во двор шагнула,
В хлев овечий заглянула,
На конюшню вдруг попала,
Чуть от страха не упала:
Там ее сына кобыла
Молоком своим кормила!

На другое утро снова
Сулбиге, не молвив слова,
Избежать желая зла,
На гумно чуть свет ушла.
А негодные две женки,
Чтоб не нянчиться с ребенком,
Досадить спеша неровне,
Отнесли дитя в коровник.
Сулбиге домой вернулась,
Покормить сына нагнулась,
Вновь увидела щенка
В колыбели у сына.
Сулбиге во двор пошла,
Там дитя свое нашла.

Сын играл в хлеву коровьем,
Невредим в своем здорovie:
Молоком ее ребенка
Напоила там буренка.

Снова день, и вновь забота—
На гумне кипит работа.
Сулбиге сидеть без дела
В доме хуна не хотела,
И ушла давным-давно
Поработать на гумно.
А старухи разозлились,
Еще пуще взбеленились.
Вот они, теряя разум,
Запрягли коня тем часом,
Отвезли ребенка в поле
Верст за сто, а то и боле,
В белом озере молочном
Утопить решили срочно.
На работе сердцем вскоре
Мать почувствовала горе.
В дом бежит — дышать не может,
К зыбке бросилась, и что же!—
Там опять все тот же Аньчик.
А куда ж девался мальчик?
Вся дрожа, в тоске ужасной,
Мать во двор бежит. Напрасно!
Долго ищет, всюду ходит,
Но сыночка не находит...
В это время, как на грех ей,
Вáлем-хун домой приехал.
Вот к себе сзывает он
Всех своих законных жен.
Важно, с ласкою монаршей,
Говорит супруге старшей:
«Исполни же обещанье,
Что давала мне заране.
Ты, наверно, не забыла,
Что к обеду мне сулила?
Тут супруга по порядку
Угостила хуна сладко.
Напоила, накормила,
Всем владыке угодила,

Хун супругу обнимает
И подарки вынимает.
Он своими ей руками
Подает бесценный камень,
Жемчуга на нитке длинной
И кораллы в цвет рябины.

За столом большим пируя,
Хун спросил жену вторую:
«Показать ты мне хотела
То, что делаешь умело.
Дай же я взгляну с безделья
На твое на рукоделье!»
А жена того ждала—
Перстень с пальчика сняла
И в него продела ловко
Очень тонкую веревку.
Той веревкою махнула,
Да чуть-чуть ее встряхнула,
Вмиг веревка размоталась
И рубашкой оказалась.
Хун рубашку примеряет,
Весь от радости сияет,
А рубашка вся в узорах
И рубашка хуну впору.
Он подарки дорогие—
Серьги, брошки золотые—
Подает второй жене.
Хун доволен был вполне.
Наконец, он на досуге
Молодой сказал супруге:
«Ну, а ты, моя жена,
Сколь своим словам верна:
Родила ли ты мне сына,
Великана-исполина?»
Сулбиге лишь рот открыла,
Чтоб сказать, что с нею было,
Как две старые злодейки
Стали брызгать, словно лейки,
Затрещали в хунской зале,
Что торговки на базаре:
«Ах, наш хун, супруг наш милый,
Ведь она щенка родила!

Вон лежит он в колыбели...»
Хун взглянул и, в самом деле,
В зыбке, съежившись в комок,
На подушке спал щенок.
Хуна это разозлило:
«Дом мой славный осрамила.
Оскорбила весь мой род...
Что подумает народ?..»
И, чернее черной тучи,
Хун велит в лесу дремучем
В наказанье самовольной
Сруб построить трехугольный.
Сруб без окон, без дверей
Он велит срубить скорей
И навечно спрятать в нем
Сулбиге с ее щенком.
И исполнен был тотчас
В гневе отданный приказ.

3

Быстро день за днем идет.
Сулбиге в лесу живет
В трехугольном срубе темном
Вместе с Аньчиком бездомным.
Неизвестно, много ль, мало
В жизни время пробежало,
Только Аньчик не зевал—
Он лазейку прорывал,
И на волю — мило, любо—
Начал лазать он из сруба,
На охоту стал ходить,
Дичь хозяйке приносить...
«Не печалься, проживем!
С голодухи не умрем».
Так хозяйюшку берег
Этот маленький дружок.
Вот однажды он в лесу
Изловил за хвост лису.
Вскоре ж стал куда горазд—
Десять штук поймал за раз.
Десять шкурок песик мой
В этот день принес домой.
Перед срубом расстелил их

И на воле — любо, мило—
Стал он лисьими хвостами
Забавляться под кустами.
Шли по лесу в это время
Мастера, шкудавов племя,
Тут они и увидали
То, чего не ожидали
«Э, смотрите-ка, щенок
Шкурки где-то уволок!»
Сулбиге их услышала,
Глядя в щелочку, сказала:
«Полно, полно вам! Мой Аньчик
Не воришка, не обманщик.
Он такой хороший, милый.
Сам лисичек наловил он».
Мастера остановились,
Еще больше удивились:
«Э, поди-ка вот, узнай-ка,
Тут, видать, живет хозяйка...
Как тебя, хозяйка, звать?
Нас не пустишь ночевать?»
«Я, наверно, б вас пустила,
Если б это можно было.
Но в хоромине моей
Нет ни окон, ни дверей.
Дверь и окна прорубите,
Вот тогда и заходите.
Я вас отблагодарю—
Десять шкурок подарю».
Дверь и окна — мило, любо—
Были сделаны у сруба.
Ночь проспали как-нибудь,
А потом собрались в путь.
Тут и Аньчик рад походу:
«Не пойти ли мне с народом,
Не узнать ли мне, не сведать,
Что творится в белом свете?»
Сулбиге перепугалась,
Побледнела, растерялась:
«Не ходи, дружок, покуда
Без тебя мне будет худо».

Все же Аньчик в путь пустился,
Он прогулкой соблазнился.
За шкудавами вдогонку
Побежал щенок сторонкой.
К ночи люди приустиали,
В доме хуна ночевали.
Тут и Аньчик притулился,
Под скамейку он забился.
Аньчик был послушать рад.
Что тут люди говорят.

Валем-хун спросил шкудавов:
«Шли откуда и куда вы?
Где вы, гости, побывали?
Что слышали, что видали?
Так же ль стар наш белый свет?
Есть ли диво где иль нет?»
Гости скромно отвечали:
«Кое-где мы побывали.
Где-то в роще белоствольной
Сруб видали трехугольный,
Он без окон, как темница,
В нем живет краса-девица.
Вместе с той девицей славной
Там живет щенок забавный,
По-щенячьи шаловливый,
А разумный — просто диво!
Мы у них денек побыли,
Три окошка прорубили...»
«Э, да разве это диво!—
Хунша молвила спесиво,—
Я вот точно знаю диво—
И красиво, и правдиво.
Далеко ли это, близко ль,
Высоко ли это, низко ль,
По дороге столбовой ли,
По прямой ли, по кривой ли,
Я про то уже забыла,
Есть там пегая кобыла,
Сто шагов она в длину,
Девяносто в ширину.
Шаг шагнет — у кобылицы
Жеребеночек родится».

Аньчик это услышал,
К срубам мигом побежал,
По порядку, без утайки,
Рассказал про все хозяйке.
«Вот бы как прекрасно было
Займись нам ту кобылу.
Хочешь, я сейчас пойду,
Кобылицу приведу?»
«Что ты, Аньчик! Где ж тебе?—
Удивилась Сулбиге,—
Ты же крошка вон какая,
А кобыла ведь большая.
Впрочем, если б так случилось,
Нам бы лошадь пригодились!..»
«Вот увидишь! Приведу!»—
Крикнул Аньчик на ходу
И, как ветер, в лес нырнул,
Только хвостиком вильнул.
Вот уж гонит он кобылу,
За кобылой во всю силу
Ржут и скачут все сильней
Больше тысячи коней.
А пока кобыла мчится,
Сколько их еще родится!
Все ж пригнал пастух наш скромный
К дому весь табун огромный.

День за днем, как на работу,
Ходит Аньчик на охоту.
Был он ловок и толков,
Двадцать выследил волков.
В тот же день охотник мой
Двадцать шкур принес домой.
Расстелил их для забавы.
Глядь, опять идут шкудавы,
Меж собою рассуждают,
Громко спорят да гадают,
Где, мол, этот пес-нахал
Столько шкур наворовал?
Сулбиге их услышала
И, открыв окно, сказала:

«Полно, полно вам! Мой Аньчик
Не воришка, не обманщик.
Сам отличный он охотник,
Мой слуга и мой работник».
Тут шкудавы удивились,
Ночевать к ней попросились.
А хозяйка, как известно,
Отвечает им любезно:
«В этом вам не откажу я,
Но и вас уж попрошу я
Сделать мне покрепче двор,
Чтоб коней не выкрал вор
И ворота сделать, чур,
Дам за это двадцать шкур».

Все исполнив слово в слово,
Люди в путь собрались снова
Аньчик тоже к ним пристал,
Он просить хозяйку стал:
«Разреши для интереса
Отлучиться мне из леса».
Сулбиге вздохнула только:
«Ну сходи уж ненадолго!»
Побывать пришлось прохожим
В этот раз у хуна тоже.
Аньчик там же очутился,
Под скамейку вновь забился:
Он всегда послушать рад,
Что здесь люди говорят.

Выпив добрый ковшик пива,
Валем-хун спросил учтиво:
«Где вы, гости, побывали?
Что слышали, что видали?
Так же ль стар наш белый свет?
Есть ли диво где иль нет?
Много ль вы чего добыли?
Что купили? Где купили?»
«Не ахти добыли много:
Шли глухой лесной дорогой,
Ночевали не привольно
Мы в избушке трехугольной.

В ней живет краса-девица,
Черноброва, смуглолица.
А у той девицы славной
Есть щенок, такой забавный,
По-щенячьи шаловливый,
А разумный — просто диво.
А еще у той девицы
Есть большая кобылица:
Сто шагов она в длину,
Девяносто — в ширину.
Шаг шагнет — у кобылицы
Жеребеночек родится.
Уж хозяйюшка не зря там
Счет теряет жеребятам!
Мы, пока у ней гостили,
Двор большой соорудили,
Сделали и ворота,
И за то хозяйка та
Нам, шкудавам, любо-мило,
Волчьи шкуры подарила».

Хунша снова затвердила:
«Э, какое это диво!
Было диво, да погнило.
Я вот точно знаю диво—
Это диво еще живо.
Далеко ли это, близко ль,
Высоко ли это, низко ль,
По дороге столбовой ли,
По прямой ли, по кривой ли,—
Есть там мельница такая,
Самомолка удалая,
Сама мелет, сама жарит,
Сама щи и кашу варит.
Там с одной-то стороны
Сами в рот летят блины,
А с другой — душистый мед
Попадает прямо в рот.
Там и с третьей и с четвертой
Всяких кушаний без счета—
И горячих и холодных,
И каких душе угодно».

Аньчик это услышал,
Все на ус свой намотал
И, придя домой, про это
Сулбиге скорей поведал:
«Далеко ли это, близко ль,
Высоко ли это, низко ль,
Самомолка есть такая,
Сама булки выпекает,
Сама мелет, сама жарит,
Сама щи и кашу варит...
Нам такая самомолка
Понужнее шкуры волка.
Я ту мельницу сейчас
Прикачу сюда как раз».
«Ой, бедняжка! Где ж тебе,—
Улыбнулась Сулбиге,—
Ты ведь крошка вон какая,
А та мельница большая.
Впрочем, если б так случилось,
Самомолка б нам сгодилась».
«Прикачу!»—сказал щенок,
И мгновенно со всех ног
В чащу леса маханул,
Только хвостиком вильнул.

День прошел. Другой идет.
Смельчака хозяйка ждет.
Вдруг взглянула из окна—
Самомолка, вот она!—
Самомолка у ворот
Мелет — не перестает.
Сама месит, сама жарит,
Сама щи и кашу варит,
Булки, блинчики печет,
Мед и брага в рот течет.
Плюшки, сайки, карамели
Просят сами, чтоб их ели.
Крячут жареные утки—
Тоже быть хотят в желудке!
Там лежат еще в бадейке
Гуси, куры да индейки.
Там и прочие закуски
По-чувашски и по-русски.

Молоко и пахта в кадке,
Колбаса своим порядком,
Сыр, сметана, творожок—
Кушай досыта, дружок!
Масса всякого запаса—
Меду, пива, браги, мяса,
Просто некуда девать,
Где посуду доставать?
Сулбиге сама однако
Наплела посуды всякой:
Туесков из бересты
Небывалой красоты,
Кузовков, лукошек разных
Из коры и лип, и вязов.
Все ж с посудой дело худо,
Не хватает ей посуды.

У щенка своя забота—
Ходит Аньчик на охоту.
Кроме зайцев и лисиц
Много выследил куньи.
И однажды Аньчик мой
Сорок шкур принес домой,
Расстелил их у дорожки,
Отдохнуть решил немножко...
Глядь-поглядь, идут шкудавы,
Говорят: «Гляди-ка, право,
Это вроде куньи шкуры?»
У щенка губа не дура!
Только где он их достал?
Не иначе, как украл!»

Сулбиге в окно кричит им:
«Полно, полно! Не ворчите,
Перестаньте зря злословить,
Аньчик сам зверушек ловит».
Тут шкудавы удивились,
Ночевать к ней попросились.
Сулбиге в лесу скучает,
«Что ж, ночуйте!— отвечает,—
В этом вам не откажу я,
Но и вас уж попрошу я

Мне для всех моих запасов
Сделать сени добрым часом.
Выстроить амбар получше,
Погреб выкопать поглубже.
Я за ту работу вам
Куньи шкурки все отдам!»

Все исполнив слово в слово,
Люди в путь пустились снова
Аньчик тоже не лежит,
За шкудавами бежит.
Через горы, через доли
Пролегает путь тяжелый.
Снова, зная, не миновать
В доме хуна ночевать.
Аньчик место твердо знает,
Под скамейку залезает,
И что люди говорят,
Все он слушает подряд.

Выпив ковшик, два ли пива,
Валем-хун спросил учтиво:
«Где вы, гости, побывали,
Что и где вы повидали?
Чем взволнован белый свет,
Есть ли диво где иль нет?
Как природа, как погода?
Что придумано народом?
Где и что народ построил?
Сколько вам товар ваш стоил?..»
И шкудавы отвечают:
«В мире разное бывает,—
Среди рощи белоствольной
Дом построен трехугольный,
В нем живет краса-девица,
Черноглаза, смуглолица,
А у той девицы славной
Есть щенок, такой забавный,
По-щенячьи шаловливый,
А разумный — просто диво.
А еще у той девицы
Есть большая кобылица,

Сто шагов она в длину,
Девяносто — в ширину.
Что ни шаг — у кобылицы
Жеребеночек родится.
А еще у той девицы
Мельница сама вертится,
Сама мелет, сама жарит,
Сама щи и кашу варит.
Там с одной-то стороны
Сами в рот летят блины,
А с другой — душистый мед
Попадает прямо в рот.
Там и с третьей и с четвертой
Пища есть любого сорта.
Плюшки, сайки, карамели
Просят сами, чтоб их ели...
Для сохранности запасов
Мы хозяйке добрым часом
Сени сделали получше,
Погреб вырыли поглубже,
Да построили амбар,
И она дала нам в дар
Куньи шкурки — счетом сорок —
Безо всяких оговорок»

«Э, да разве это диво! —
Жена хуна процедила, —
Было диво да погнило.
Я вот вам скажу про диво,
Что и живо и правдиво.
Далеко ли это, близко ль,
Высоко ли это, низко ль,
По дороге столбовой ли,
По прямой ли, по кривой ли,
Точно я про то не знаю,
Есть там яблоня лесная.
Она вечно молодая,
Никогда не увядает;
Сочны, сладки и румяны,
На ней яблоки не вянут,
Они пляшут без гармошки,
А листочки бьют в ладошки

А коль яблоко срывают,
Три на смену поспевают»:

Аньчик это услышал,
Все на ус свой намотал:
Он домой не воротился,
Сразу в темный лес пустился:
Там он яблоню нашел,
К воротам ее привел.
Сулбиге от восхищенья
Не подыщет выраженья.
«Ой, какая благодать!
Где ж ты мог ее сыскать?»
Аньчик, песик бесподобный,
Рассказал ей все подробно.

Так прожили много ль, мало,
Аньчик снова, как бывало,
День провел в гостях у хуна
Без помехи, без похула.
Он, как прежде, не смутился,
Под скамейку вновь забился,
Тихо там сидел да слушал,
Отводил собачью душу.

Начал хун, как и впервые:
«Нуте-с, гости дорогие,
Расскажите, где бывали,
Что слыхали, что видали?
Как живет там белый свет?
Есть ли диво где иль нет?»
И шкудавы, как вначале,
По порядку отвечали:
«Кое-где мы побывали,
Кое-что и повидали.
Люди всюду — там и тут—
Все по-разному живут.
Среди рощи белоствольной
Дом видали трехугольный,
В нем живет краса-девица,
Есть чему там подивиться:
Там, у той девицы славной,
Есть щенок, такой забавный.

А еще у той девицы
Есть большая кобылица,
Сто шагов она в длину,
Девяносто в ширину,
Шаг шагнет — у кобылицы
Жеребеночек родится.
А еще у той девицы
Мельница сама вертится,
Сама мелет, сама жарит
Сама щи и кашу варит.
Там с одной-то стороны
Сами в рот летят блины,
А с другой — другое диво:
Льется мед густой и пиво.
Там и с третьей и с четвертой
Есть еда любого сорта.
Слойки, сайки, карамели
Просят сами, чтоб их ели.
Рыба, сыр, оладьи, мясо, —
Всяких там закусок масса:
И горячих и холодных,
И каких душе угодно.
Есть там яблоня лесная,
Она вечно молодая.
Сочны, сладки и румяны,
На ней яблоки не вянут,
Они пляшут без гармошки,
А листочки быют в ладошки...»

«Э, да разве это диво, —
Хунша молвила лениво, —
Было диво, да погнило.
Я вот вам скажу про диво,
Что и живо и правдиво.
Далеко ли это, близко ль,
Высоко ли это, низко ль,
По дороге столбовой ли,
По прямой ли, по кривой ли, —
Есть там озеро, я помню,
Не вода, а молоко в нем.
А в том озере, в низине,
В самой, в самой середине
Диво есть — дитя живос,

И дитя то не простое:
На одной щеке с луной,
С ясным солнцем — на другой,
С золотыми волосами
И с жемчужными зубами».

Услыхав про диво это,
Аньчик вышел незаметно,
Побежал скорей к хозяйке,
Все поведал без утайки:
«Слушай, я скажу тебе, —
Говорит он Сулбиге, —
Далеко ли это, близко ль,
Высоко ли это, низко ль,
Не скажу про это точно,
В белом озере молочном
Есть, я слышал, не шутя,
Интересное дитя
На одной щеке с луной,
С ясным солнцем — на другой,
С золотыми волосами,
И с жемчужными зубами.
Не сходить ли мне за ним,
За красавчиком таким?»

Сулбиге рыдает, плачет:
«Это мой, наверно, мальчик.
Ах, как это все ужасно,
Пропадет он там, несчастный!»
«Не горюй, — сказал ей Аньчик, —
Скоро дома будет мальчик.
Из груди своей пока
Нацеди-ка молока,
Замеси на нем лепешку,
Испеки мне на дорожку».
Сулбиге ловка была,
Враз лепешку испекла.
Аньчик тоже не копался,
Взял лепешку и помчался.
Верст до озера не мало!
Долго ль, коротко ль бежал он,
Наконец, минуя версты,
В берег озера уперся.

Тут, как раньше порешил,
Он лепешку положил.
Волны вздулись понемножку,
Выплыл мальчик, съел лепешку.
От грудного молока
Разморило паренька,
Он разок-другой зевнул,
Лег на травку и уснул.
Аньчик долго не копался,
Взял ребенка и помчался.
Ночью по лесу бежал он,
Все вокруг него сияло.
Сулбиге сынка узнала,
Долго-долго целовала.
А потом решила мать
В гости к сыну хуна звать...

Тут как раз, узнав о диве,
Вновь шкудавы заходили.
Побывали, ночевали,
Сами диво повидали.
Утром снова все идут,
С ними Аньчик — тут как тут.
Через горы, через доли
Пролегает путь тяжелый.
Вновь, видать, не миновать
В доме хуна ночевать.
Здесь уж Аньчик, наконец,
Был представлен как гонец.
И ему в подобном чине
Лезть под лавку нет причины.
Аньчик быстро осмелел,
В кресло старшей хунши сел.
Хун, как прежде, слово в слово,
В разговор вступает снова:
«Где вы, гости, побывали,
Что слышали, что видали?
Как стоит там белый свет?
Есть ли диво где иль нет?
Все одни ль и те же эти
В небесах светила светят?
Может, где-нибудь видна
В небе новая луна?..»

«Да, великий хун, ты прав,—
Старший молвил тут шкудав,—
Миллионы лет одну
Видим ночью мы луну.
Так же солнышко одно
Светит с неба нам давно.
Но сейчас, мы заверяем,
Есть луна уже вторая.
Подтвердить мы также можем—
Солнце новое есть тоже!
Так что, ты не верь в таланты
Звездочетов, хиромантов,—
Не поймешь, кто прав в веках.
Все, должно быть, ложь и прах.
Диво же видали сами
Мы вот этими глазами.
В старой роще белоствольной
Дом построен трехугольный,
В нем живет краса-девица,
Всякий может подивиться.
Там, у той девицы славной,
Есть щенок, такой забавный.
А еще у той девицы
Есть большая кобылица.
Сто шагов она в длину,
Девяносто — в ширину,
Шаг шагнет — у кобылицы
Жеребеночек родится.
А еще у той девицы
Мельница сама вертится,
Сама мелет, сама жарит,
Сама щи и кашу варит.
Там с одной-то стороны
Сами в рот летят блины,
А с другой — душистый мед
Попадает прямо в рот.
Там и с третьей и с четвертой
Пища есть любого сорта.
Только пробуй, успевай,
Рот пошире открывай.
Есть там яблоня лесная,
Она вечно молодая,
Сладки, сочны и румяны.

На ней яблоки не вянут,
Они пляшут без гармошки,
А листочки бьют в ладошки.
А коль яблоко срывают,
Три на смену поспевают.
У девицы той красивой
Есть еще большое диво:
То ли братец, то ль сынок,
Расчудесный паренек—
На одной щеке с луной,
С ясным солнцем — на другой,
С золотыми волосами
И с жемчужными зубами.
Та девица или мать
Нас просила передать,
Славный хун, тебе привет
С пожеланьем долгих лет;
В гости кликать приказала,
Вот щенка гонцом прислала...»

Хун обиделся немного,
А потом ответил строго:
«Ладно, я приеду. Ждите!
Только мне соорудите
От села и до села
Мост из цельного стекла,
Чтоб я ехал на коляске
Без опаски и без тряски,
И чтоб мост, без лишних слов,
Завтра утром был готов!»
Аньчик принял приказанье
И ответил на прощанье:
«Спи, наш хун, и будь спокоен,
К утру будет мост построен».

Кони сыты, кони гладки,
Навезли стекла в достатке.
Ночь шкудавы потрудились,
Длинный мост соорудили.
Утром хун, лишь еле-еле
Поднял голову с постели,
Глянул в окна, удивился:
Мост и вправду появился.

Вместе с женами в коляске
Едет хун без всякой тряски.
Вот въезжает хун могучий
В самый-самый лес дремучий.
Перед ним — краса и сила—
Преогромная кобыла,
Сто шагов она в длину,
Девяносто в ширину.
Ржут кругом, бегут куда-то
Жеребцы и жеребята.
Среди рощи белоствольной
Дом сверкает трехугольный,
Самомолка у ворот
Мелет — не перестает,
Сама месит, сама жарит,
Сама щи и кашу варит.
Тут с одной-то стороны
В масле плавают блины,
А с другой — душистый мед
Льется хуну прямо в рот.
Вот и яблоня лесная,
Она вечно молодая.
Сладки, сочны и румяны,
На ней яблоки не вянут...
Хун тут яблоко срывает,
Три на смену поспевают.
Вот на убранной коврами
Красной лестнице, как в раме,
Мать сидит и с ней сынок,
Расчудесный паренек—
На одной щеке с луной,
С ясным солнцем — на другой,
С золотыми волосами
И с жемчужными зубами.
Он в серебряном корытце
Шумно, весело резвится—
Золотым яйцом играет,
Все вокруг него сияет.
Темный лес совсем не темный,
Освещен, как дом огромный.
Все деревья в дивном свете,
Каждый кустик тут заметен,
Травка, листики, цветочки,

Муравьи на серой кочке,
Все, как днем, освещено,
А ведь ночь уже давно!

Сулбиге тут хун узнал,
Обнял и поцеловал.
Тут и сын отцу поведал
Про свои сыновьи беды.
Все тут понял, наконец,
Хун-супруг и хун-отец,
И спросил с загадкой он
У своих коварных жен:
«Что милей вам и дороже—
На току земля, быть может,
Или глиняная круча...
Что для вас милей и лучше?»
«Пусть у нас, о хун наш милый,
Превратятся ноги в вилы.
Пусть у нас, о хун наш храбрый,
Превратятся руки в грабли,
Пусть и головы с косами
Превратятся в метлы сами...»
Так галдели, будто галки,
Обе старые нахалки.
Хун послушал их немного,
А потом промолвил строго:
«В землю б вас живых зарыл я,
И греха б немного было!
Но такого я закона
Не издал во время оно,
И жестокостью напрасной
Я не встречу день прекрасный.
Лучше уж, на случай редкий,
Вспомню я обычай предков:
Поснимайте-ка сурбаны,
Разорвите их зубами.
Половины я на память
При себе могу оставить,
А другою половиной
Крепко сотканной холстины
Вам хочу я завязать
Завидующие глаза.
Отведет наш Аньчик верный

На край света вас, примерно.
Там для вас простору много,
А ко мне — ни до порога.
И отныне навсегда я
Многоженство отменяю...»

Аньчик выполнил не худо
Приказанье Валем-хуна:
Жен отвел туда как раз,
Где Макар телят не пас.
После этого, на диво,
Стали жить они счастливо,
Собираясь за столом
Непременно вчетвером:
Валем-хун, потом она—
Сулбиге, его жена,
Мальчик, славный их сынок,
Аньчик—верный их щенок.

1939

ГОЛУБКА

Я сажусь на аргмака—
На волшебного коня,
И несет, несет без страха
Ветрокрылый конь меня.
На кобыле вороной
Сказка скачет вслед за мной.
Мы летели долго-долго:
По-над морем, по-над Волгой,
И заехали весной
В край чувашский, край лесной.
Наши кони приустиали,
Нужен был и нам покой.
И, пока мы отдыхали
Под высокою сосной,
У костра мне вот что сказка
Рассказала по-чувашски.

Жил когда-то дед Эрпак—
Не богач и не бедняк,
Он умелый был работник—
Пахарь, пасечник, охотник,
Только с пулей да с ружьем
Не был дед Эрпак знаком.
А была в руках Эрпака
Просто вязовая палка—
Узловатый посошок,
Заговоренный сучок.
Дед пошепчет палке что-то,
Палка сразу скок-поскок—
И пошла в лесу охота:
Хлоп!— медведя свалит с пог,
Хлоп!— у зайца у косого

Искры прыгают в глазах.
Только слово—
Палка снова
У хозяина в руках.

Но однажды дед Эрнак
Сам в лесу попал впросак.
Надо ж было так случиться!
Раз в погоне за лисицей,
Потеряв внезапно след,
Палкой землю щупал дед.
Палка в трещину попала,
Дернул старый — нет, никак!
«Силы что ли стало мало?»—
Говорит старик Эрнак.
А в ответ слова из щели,
Как из бочки, загудели:
«Палка, дед, твоя пропала!
Палка в плен ко мне попала!
Здесь моя земля, мой дом,
Уходи скорей добром!
Не уйдешь, так будет худо,
Знай ты: здесь живет Ахрат!»

Смотрит старый — что за чудо!—
Под землей огни горят.
Испугался дед Эрнак
И сказал Ахрату так:
«Ты проси, Ахрат, что хочешь,
Окажу любую почесть,
Только палку мне отдай,
Пожалей мои года,
Мне без палки нет пути,
Выкуп дам я, отпусти!»

Дернул старый, не стерпел,
И Ахрат тут загремел:
«Ты что меня тревожишь?!
На что это похоже!
Я могуч, я велик,
Я хозяин земли.
Хочешь палку, старик,
Дочь мне в жены пришли.

А не то—
Знаешь что?
Суховей нагоню,
Хлеб сожгу на корню.
Будешь желуди есть,
Будешь есть лебеду.
Лиха будет — не счесть,
До сумы доведу!»

А у старого Эрнака
Две красавицы росли,
Две дочурки краше мака—
Саламби и Виремли.
И похожи так сестрицы,
Как два зернышка пшеницы.

Почесал старик затылок,
Согласился дочь отдать,
И пошел... Не сладко было
Старику домой шагать.
Подошел Эрнак к избушке,
Тихо стало в роще вдруг.
Лишь бездомные кукушки
Загрустили где-то вслух.
Дочь навстречу дверь открыла
И сказала Виремли:
— Я на стол, отец, накрыла,
Гусь зажарен, раздели.
«То добро, да вот беда-то,
Дочка старшая моя:
В край подземный за Ахрата
Должен выдать я тебя.
А послушаться посмею—
Он накажет суховеем,
На корню хлеба сгорят,
Так сказал мне сам Ахрат».

Виремли запричитала:
«Не губи меня, отец,
Край тот страшный, я слыхала,
За Ахратом мне конец...
Спросим, может, согласится
Саламби — моя сестрица?»

Саламби глядит в окно:
— Ждем тебя, отец, давно,
Кашу с маслом и шербет
Приготовили тебе.
«То добро, да вот беда-то,
Дочка младшая моя:
В край-подземный за Ахрата
Должен выдать я тебя.
А ослушаться посмею—
Он накажет суховею».

Саламби была послушной
И сказала: «Коли нужно,
Коль бедою нам грозят,
Я согласна. Где Ахрат?»

Не успел отец ответить,
Только в сени он зашел—
На дворе поднялся ветер;
Только сел старик за стол—
Колокольчик звякнул вдруг,
Ближе, ближе — звон и стук,
Конский топот — от Ахрата
Прискакали гости-сваты.
«Наш привет Эрнаку!
Получай, дед, палку.
Стой! Дороговата
Будет ей цена.
Не забыл Ахрата?
Помнишь, старина?»
Молодой так шутит сват,
Старый тихо вторит в лад:
«Складно, брат, хоть молоденец!
Уговор дороже денег:
Шли невесту нам, старик,
Да скорее, ждет жених».

Вдруг увидел молодой
Двух сестер перед собой:
«Ба! Тут две красавицы!
Кто ж ему понравится?
Кто украсит дом?
Заводите песни,

Кто споеет чудесней,
Ту и увезем».

— Это дело! Верно, брат!—
Продолжает старый сват.—
Эй, смуглянка! Стой, куда ты?
Как зовут-то?— «Виремли».
— Ну-ка, спой почтенным сватам,
Сердце нам развесели.

Гусли, скрипки принесли,
И запела Виремли:
«Закудахчет курочка—
Хлеба я не накрошу,
Замычит буренушка—
Сена я не накошу,
Пес подымет вой — и тот
Ненакормленный уйдет».

Сваты слушают — ой-ой!—
И качают головой:
«Эта девушка лентяйка,
Так невесты не поют.
А другую как зовут?»
— Саламби.— Ну, начинай-ка,
Спой нам песенку свою.

Саламби гостям присела,
Ясным голосом запела:
«Только солнышко зайдет—
Затоплю я печь ему,
А с охоты он придет—
Сапоги с него сниму.
Встав ни свет и ни заря,
Я зажарю глухаря».

Сваты выслушали песню
И сказали оба вместе:
«Эта будет домовита,
Да и песня хороша.
Эта нашему джигиту
Ко двору. Садись, душа!

Получай, дед, палку,
Нам ее не жалко».

И увез возок чудесный
Без оглобель, без коня
В край неведомый невесту,
Колокольцами звеня.

Долго, нет ли жил старик
(Веку — время, сказке — миг),
Но дела пошли на лад,
Урожай в полях богат!
Приздумалась однако
Дочка старшая Эрнака:
Не поехать ли к сестре
Погостить да посмотреть,
Как-то там живет сестрица
От родной семьи вдали?
Хорошо ли хлеб родится
У хозяина земли?
Если дома урожай,
Там-то, верно, через край!
Приезжает. Что за диво!—
Перед нею дом-копна
Под развесистою ивой
На току среди гумна.
Смотрит гостя — верь не верь—
Есть и окна, есть и дверь.
А кругом шумит пшеница,
Рожь и полба колосится
Без межи и без полос
На десятки, сотни верст.

Постучалась Виремли,
И к сестре ее ввели.
Саламби встает навстречу
Вся в монистах, серебром
Вся увешана кругом.
Косы падают на плечи,
Перевиты жемчугом,
Каждый волос—
Точно колос,
Золотым блестит зерном.

На груди ее сверкают
Ожерелья в семь рядов,
И не бусы в них играют—
Зерна тучные хлебов:
Рожь отборная, литая,
Бело-розовый горох
И пшеница золотая,
И овес — крупней серег,
И янтарный бисер проса,
Чечевица и ячмень,
И гречиха — это просто
Радуга в весенний день!
И, завидуя сестрице,
Шепчет злобно Виремли:
«Мне бы выйти согласиться
За хозяина земли.
Жить привольно за Ахратом—
И покойно, и богато!»

Саламби сестру встречает,
Словом добрым привечает,
Топит баню для родной,
Гостьи самой дорогой;
Истопила, пригласила,
Повела ее сама,
И ребенка захватила,
Звали мальчика Савмак.
Стали сестры вместе мыться,
Вскоре старшая сестра
Говорит меньшей сестрице:
«Мойся ты, а мне пора.
Дай племянника, родная,
Понесу его сама я.
Подойди ко мне, Савмак,
Сядь на плечи мне, вот так».

Вышла старшая пораньше,
Платье спрятала свое
И надела платье младшей,
Понесла дитя ее.
И — неслыханное дело!—
В дом вошла к Ахрату смело.

И хозяйина земли
Обманула Виремли;
Ходит в доме, шарит всюду:
И в чулан она зайдет,
К полкам, где стоит посуда,
И к шкатулке подойдет,—
И жена она, и мать,
Хочет все себе забрать.
У сестры своей родной
Мужа, сына отняла;
Старшей будучи сестрой,
Место младшей заняла.
А Ахрат не разобрал,—
«Саламби» ее назвал:
Ведь похожи так сестрицы,
Как два зернышка пшеницы.

Вышла младшая. Взглянула—
Платья нет и сына нет.
Мать ладонями всплеснула,
Стал не мил ей белый свет,
Заметалась, встрепенулась
И голубкой обернулась.

Про обман Ахрат не знает,
Только он не понимает,
Почему его Савмак
Плачет, не переставая,
Не утешится никак.
Мальчик плачет, мальчик тает
И становится как тень.
В то же время каждый день
В дом Ахрата прилетает
Одинокая голубка
И садится на копну
К незакрытому окну,
И баюкает малютку:
«Ты не плачь, малютка милый,
В сизых крыльях мало силы,
Не прижать мне на лету.
Сердцем к сердцу сироту.
Ты не плачь, мой мальчик милый,
Мать про сына не забыла».

Но Савмак все плачет, плачет...
«Что, скажи, все это значит?—
Говорит Ахрат жене,—
Успокой ребенка мне!»
Виремли дитя качает,
Запеваёт невпопад—
Ничего не помогает!
Рассердился тут Ахрат,
Закричал, затопал он
И прогнал злодейку вон.

В тот же миг далеко где-то,
У Эрнака старика,
Все хлеба спалило лето,
Обмелела вдруг река.
Все источники иссякли,
Поувяли все цветы.
Ни росы, ни меду капли
Пчелам нет средь духоты.

А Савмак в своей качалке
Так же плачет... Наконец,
Озадаченный отец
Отправляется к гадалке,
Просит бабку: «Как бы мне
Успокоить, бабка, сына?»

Бабка вышла при луне,
Постояла возле тына,
Потянула носом воздух,
Почитала в небе звезды
И сказала: «На лету
Излови голубку ту,
Что воркует над копной,
Вся разгадка в ней одной».

Вот пришел Ахрат домой,
Он растопленной смолой
Подоконник обливает
И голубку поджидает.
Чу! Голубка прилетела,
Не заметила и села

Прямо на смолу она
И запела у окна:
«Ты не плачь, мой мальчик милый,
Мать сыночка не забыла,
Слушай песенку мою,
Баю, баюшки-баю...»

Улететь голубка хочет,
Крылья вскинула, ан, глядь,
От смолы она не может
Тонких лапок оторвать.
Заметалась, застонала
И — Ахрата увидала.
Взял Ахрат голубку в руки
И не стало вдруг голубки:
На траву упали крылья,
Косы выросли до пят.
Очи карие открылись—
И узнал жену Ахрат.

В тот же миг далеко где-то,
У Эрнака старика,
Расцвело цветами лето
И наполнилась река.
Зажужжали снова пчелы,
Меду — только собирай!
Колос тучный и тяжелый—
Превеликий урожай.
Тут созвал старик гостей,
Рассадил их на полянах.
На лугах и средь полей
Заиграли гусли рьяно,
Зазвенели бубенцы—
С песней вышли молодцы.
Тут же палкою чудесной
Дед потешил весь народ:
Как пошла она в лад с песней,
Так за ней весь хоровод.

И везде столы с блинами,
С пирогами да сырами,
Бочки с брагою хмельной,
Мед в кувшинах — пир горой!

На мирской на пир богатый
Пригласили и Ахрата.
Прискакал Ахрат верхом
На коне на вороном;
Рядом, на лошадке белой,
Саламби гарцует смело;
Между ними — сын Савмак
На кудрявом жеребенке.
Встретил всех старик Эрнак
С хлебом-солью у избенки.

Я на гусях там играл,
Пиво пил, шутил, плясал,
Распевал я песни звонко,
Подпевал мне дед Эрнак,
Подпевал и внук Савмак.
Видел я и жеребенка—
Стал он добрый аргамак.
А на нем в лесах чувашских
Разъезжает нынче сказка.
Будет время, будет час—
Навестит она и вас.

1959

РЕПА

Тихо, мирно много лет
Жили бабушка и дед.
Но беда пришла неожиданно:
Износились кафтаны,
Дыры вдоль и поперек,
Нос не сунешь за порог.
Оба стали думать думу—
Как им выйти в толстосумы?
Поседали от забот,
Но придумали исход.
Был у них на подволоке
Слой землицы неглубокий,
И однажды, встав чуть свет,
Репу там посеял дед.

Время шло, росла и репа,
Поднялась ботва до неба,
Корень, свиснув с потолка,
Добрался до погребка.
Бабка рада, дед доволен,
Но к добру ль разросся корень?
«Что-то,— мыслит дед,— не так,
Заберусь-ка на чердак!»
Пуще там старик дивится:
«Это клад, а не землица.
Старым людям за труды
Не скупится на плоды!»
В самом деле, репка — диво:
Прямо к небу горделиво
Поднялась ее ботва.
Лес под нею — что трава.
«Сплю ли, грежу ль наяву,

Заберусь-ка на ботву,
Погляжу на белый свет»—
Про себя подумал дед.

Много, мало ли трудился,
Своего старик добился,—
Вот уж запросто рука
Мнет, как вату, облака.
Приустал, видать, сердечный
От дороги бесконечной.
Уж земли не видит дед,
А конца ботве все нет.

По ботве сквозь шесть небес
Дед с трудом, а все ж пролез.
Шесть небес под ним, и вот
До седьмого достает.
Ждет зато его награда:
Райского достиг он сада;
Он из смертных тут один,
Тут, где Пюлех — господин.

Старику здесь все по нраву:
«Вот так репа, чудо, право,
Но теперь мне и она
Даже даром не нужна.
Здесь останусь я, пожалуй»—
Оглядевшись, думал старый.
Но без бабки, одному,
Скучно сделалось ему,
И пошел он на попятный—
Слез в избу к себе обратно.

Все поведал бабке дед,
А она ему в ответ
Как вскричит, себя не помня:
«Разве здесь теперь житье мне!
В рай бери меня с собой:
Не взобраться мне самой!»

Дед в мешок сажает бабку,
А мешок берет в охапку,
По ступенькам, так иль сяк,
Доставляет на чердак.

Там его берет на плечи
И, поскольку больше нечем
Придержать ему мешок,
Он зубами узелок
Прикусил, как корку хлеба,
Да опять полез на небо.

А старуха из мешка
Потихоньку старика
В эту пору донимает:
«Далеко ли, дед, до рая?»
Тот же знай себе кряхтит,
К небу с ношею спешит.
Пот с него катится градом,
Но зато и небо рядом.
А старуха из мешка
Донимает старика:
«Задохнулась... помираю...
Далеко ль еще до рая?»

Дед и слышал, да молчал,
Будто в рот воды набрал.
Пот с него катится градом,
Но зато и рай уж рядом.
А старуха из мешка
Донимает старика:
«Эй, тетеря ты глухая,
Далеко ль, скажи, до рая?»

Вот он рай — рукой подать,
Да не смог старик смолчать:
«Не кричи, карга седая,
Добрались уже до края!»
Спохватился старый дед,
А мешка пропал и след.
Бабка, вниз летя, как груша,
Отдавала богу душу,
Сделалась белым-бела
И со страху померла.

Дед же в рай забрался живо
И ее бочонком пива

Помянул, не помня зла,
Помня добрые дела.

Был и я на тех поминках,
Пел со всеми под сурдинку,
В пляс пошел на каблуках,
Бороду держа в зубах,
И ковшами пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

1937

ЧТО НА ЗЕМЛЕ ВСЕГО СИЛЬНЕЙ?

Какой-то царь в саду сидел,
Среди цветущих роз,
И на досуге захотел
Решить один вопрос.

— Что на земле всего сильнее?—
Спросил он как-то раз.—
Пусть самый мудрый из людей
Мне даст ответ сейчас!

И я клянусь, что для него
Не пожалею ничего!
Не пожалею ничего—
Отдам полцарства своего!—

Людей скликал со всех концов,
Трубя в трубу, гонец,
И вскоре девять «мудрецов»
Явились во дворец.

Явился мельник раньше всех—
Он встал уже давно,
Ведь он на мельнице весь век
Чуть свет молот зерно.

И погорелец шел за ним—
Оборванный бедняк.
Потом прибавился к двоим
Бывалый дед-рыбак.

Четвертым был силач-кузнец
(Глядел он молодцом!),

И полководец во дворец
Пришел за кузнецом.

Потом красавец молодой
Предстал перед царем.
Он горд своею красотой,—
Грустить ему о чем?

Седьмым явился ростовщик,—
Он жаден и богат.
Неслышно в комнаты проник
Сладкоречивый сват.

Еще один на царский зов
Явился, не спеша.
Никто не знал, кто он таков,
А звался Тамажа.

И царь к себе своих гостей
Поближе посадил.
— Что на земле всего сильней?—
Ответить он просил.

Тут мельник первым слово взял,
Взглянув на царский трон.
— Конечно, Ветер!— он сказал.—
Он грозен и силен!

И стоит Ветру разойтись,
С ним сладить тяжело.
Тогда уж, мельница, держись,
Сломает он крыло!—

Но погорелец возразил,
Тяжелый вздох сдержав:
— У Ветра очень много сил,
Но все же ты не прав!

Порой, конечно, он сердит,
Но устает он дуть.
Крыло, что Ветер повредит
Починит кто-нибудь.

А вот Огонь спалил мой дом!
Огонь сильней всего!
Где бушевал он, там потом
Не сыщешь ничего!

Рыбак с усмешкой говорит:
— Огонь опасен! Да!
Но так недолго он горит!
Всего сильней Вода!

Вода погасит и костер,
Прорвет плотину вдруг.
Она потоком хлынет с гор
И смоев все вокруг!

Вода! Никто не сладит с ней!
И спору тут конец!—
— Нет! Не она всего сильней!—
Сказал ему кузнец.

— Вода — она сильна весной,
Когда растает снег.
Тогда беда с речной волной,
Могуч ее разбег!

Зато потом река мелка,
Когда жара придет.
А в стужу — где твоя река?
В ней не Вода, а лед!

Железо! Сила только в нем!
Как высоки дубы,
А под железным топором
Ложатся без борьбы!

Мы пушками грозим врагам,
Снаряды смерть несут!
Ударь Железом по камням—
Огонь они дадут!

Железный меч — он никому
Поблажек не дает.

И деспоту не одному
Он голову снесет!—

Военачальник в спор вступил:
— Мечу хвала и честь!
И в том, что ты нам говорил,
Конечно, правда есть.

Но помни, ржавчина вредит
Железному клинку.
И меч тогда лишь знаменит,
Коль дан он смельчаку!

Герой, храбрец — вот сила в ком!..
— Нет! Ты не прав! Постой!—
Остановил его кивком
Красавец молодой.

— Герою слава и почет!
Сильна его рука.
Но в плен красавица берет
Любого смельчака.

Мы слабы перед красотой
И блеском женских глаз.
Перед служанкою простой
Робеет царь подчас.

Услышав девушки привет,
Отдашь ей сердце ты.
Да! Ничего сильнее нет
Любви и Красоты!—

Тут ростовщик захохотал,
Подняв лукаво бровь:
— На свете есть один металл,
Он купит и любовь!

Металл тот Золотом зовут,
Его приятен звон.
И если кошелек надут,
С ним и дурак умен.

Но даже барин без мошны
Имеет глупый вид.
С мошной бери хоть три жены,—
И поп не запретит!

За деньги можно отпереть
Для вора дверь тюрьмы.
За деньги пляшет и медведь!
А что без денег мы?

Всесилен Золота приказ!
Я с этим сам знаком!—
И он внушительно потряс
Тяжелым кошельком.

Тут в разговор вмешался сват:
— Да! Золото в чести!
Но только надо, говорят,
Суметь его найти.

Богатство наше — наш Язык!
Сплетеньем небылиц
Он всех обманывать привык—
Героев и девиц!

Нередко, ради барыша,
Торгаш обманет торгаша,
И чтоб в начальники пролезть,
Хитрец пускает в дело лезть.

Князья, правители, цари,
Вельможи всех пород
Врут от зари и до зари,
Мороча свой народ.

Язык завистника страшней,
Чем пушка на войне!
Язык, Язык всего сильней,
Уж вы поверьте мне!—

Царь выслушал всех восьмерых,
Всею головою кивал.

И все ж не понял, кто из них
Ответ вернейший дал.

И он, свое смущенье скрыв,
Спросил у Тамажи:
— А что же ты так молчалив?
Кто прав из них? Скажи!—

Взглянули все на Тамажу.
Все слушают его.
— О Правде слово я скажу!
Она сильнее всего!

Ведь Слово Правды вдаль летит,
Ветра опередив,
Оно преграды все крушит,
Как вольных рек разлив.

Оно герою в трудный час
Становится щитом.
Оно в глубинах женских глаз
Засветится умом.

Пред ним бессильны торгоши:
Известно им давно,
Что ненадежны барыши
Там, где звучит оно.

Пред ним коварной лести яд
Рассеется, как дым.
И лжец, такой, как этот сват,
Немее перед ним.

Его нельзя спалить в огне
И утопить в воде.
В любом краю, в любой стране—
Оно звучит везде!

Без Правды ни один народ
Свой не отыщет путь!
Ну, царь, настал и твой черед,
Скажи нам что-нибудь!

Все Правдой держится, поверь!
Она сильнее всего!
Ну, что ж? Отдашь ты мне теперь
Полцарства своего?—

Но царь, как многие цари,
Был плутом и лгуном:
Мол, об одном ты говори,
А думай о другом!

Полцарства своего отдать
Он не желал совсем.
Он Тамажу велел прогнать
И спать ушел затем.

В народе слух прошел о том,
Что, лишь зажглась заря,
Забрали царство целиком
У лживого царя.

Царя решили поскорей,
Освободив от «дел»,
Прогнать за тридевять морей,
Чтоб там он поумнел!

Был верен Тамажи ответ,
И мы согласны с ним:
Всего сильнее Правды Свет,
И он непобедим!

1952

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ
(биографическая справка)

Народный поэт Чувашии Педер Хузангай родился 22 января 1907 года в селе Сиктерме Алькеевского района Татарской АССР. В 1923 году он окончил сельскую школу второй ступени, затем учился в Чувашском педагогическом техникуме, позже — в Восточном педагогическом институте (Казань).

П. Хузангай начал писать стихи еще на школьной скамье, с 12—13 лет. Первые его стихотворные опыты опубликованы в 1924 году.

Прежде чем стать поэтом-профессионалом, П. Хузангай работал корректором, переводчиком юридических органов, журналистом. За тридцать с лишним лет литературной деятельности поэтом выпущено более двадцати книг стихов, поэм и сказок. Большое место в его творческой работе занимают переводы. П. Хузангай перевел на чувашский язык многие произведения Пушкина («Евгений Онегин», «Полтава» и др.), комедию Грибоедова «Горе от ума», трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта», все поэтическое наследство Христо Ботева, сборник стихов Мао Цзэ-дуна, поэмы и стихи Маяковского («Владимир Ильич Ленин», «Во весь голос» и др.), отдельные стихи Лермонтова, Шевченко, Вазова, Бараташвили, Райниса, Тычины, Исаакяна, Рыльского, Судрабкална, Вапцарова и многих других поэтов разных эпох и народов.

П. Хузангай член КПСС с 1943 года. Награжден орденами «Красной Звезды» и Трудового Красного Знамени.

Стихи и поэмы П. Хузангай переведены на языки: русский, венгерский, украинский, латышский, азербайджанский, грузинский, татарский, удмуртский, каракалпакский. В русском переводе имеются следующие книги: «Дружба» — 1950, Чувашгосиздат (Чебоксары), «Поют дубравы» — 1953, Советский Писатель (Москва), «Дом в Горках» — 1955, Советский Писатель (Москва), «Чувашская весна» — коллективный сборник, 1950, Гослитиздат (Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

Первая осень. <i>Перевод Ф. Фоломина</i>	5
Дом в Горках. <i>Перевод В. Потаповой</i>	21
Летние сутки. <i>Перевод А. Казакова</i>	28
Таня. <i>Перевод автора</i>	57
Терлемес в яблонях. <i>Перевод Ф. Фоломина</i>	90
Магнит-гора. <i>Перевод П. Железнова</i>	101
Сегодняшняя поэма. <i>Перевод А. Казакова</i>	141
Двадцать шесть. <i>Перевод А. Казакова</i>	150

СКАЗКИ

Сулбиге и Валем-хун. <i>Перевод П. Дружинина</i>	161
Голубка. <i>Перевод автора</i>	196
Репа. <i>Перевод А. Казакова</i>	207
Что на земле всего сильнее? <i>Перевод О. Высотской</i>	211
Педер Хузангай (<i>биографическая справка</i>)	218

Хузангай Петр Петрович

ИЗБРАННОЕ

Т о м II

Художник В. Ф. Солодовников

ЧУВАШГОСИЗДАТ — 1958

Редактор *Н. Ф. Ильбек.*

Худ. редактор *Л. И. Маевская.*

Тех. редактор *А. И. Краснов.*

Корректоры: *В. Г. Бурнаевский.*

Н. Д. Деомидов.

НТ 01008. Сдано в набор 26/IX-1957 г. Под-

писано к печати 22/III-1958 г.

Формат 84×108^{1/32}. Объем в печ. лис. 11,27

и 10,88 уч. изд. лис. Изд. № 408.

Заказ № 2993 Тираж 3000 экз.

Цена 7 р. 46 коп.

Типография № 1 Министерства культуры
Чувашской АССР.

Гор. Чебоксары, ул. Володарского, 5.

7

